

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Г. Г. Косач

**РОССИЙСКО-САУДОВСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
1990–2015 гг.**

Москва 2016 г.

Научное издание

Г.Г.Косач

РОССИЙСКО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
1990–2015 гг.
М., 2016. 106 с.

ISBN 978-5-89394-xxx-x

ISBN 978-5-89394-xxx-x

© Институт Ближнего Востока, 2016

© Г.Г.Косач, 2016

Содержание

Введение	4
Возобновление двусторонних отношений	5
События в Чечне и Югославии: кризис в двусторонних отношениях	11
Россия и Саудовская Аравия: время разрядки	15
«Арабская весна»: новый кризис в двусторонних отношениях	25
Визит принца Мухаммеда бен Сальмана: новая разрядка в отношениях?	32
Россия и Саудовская Аравия после 30 сентября 2015 г....	46
Российско-саудовские отношения: какова перспектива? Вместо заключения	73
Примечания	77

Введение

Российские внешнеполитические документы, связанные с видением состояния отношений с Саудовской Аравией, подчеркнута оптимистичны. Позиции обеих стран, как отмечал преданный гласности еще в октябре 2011 г. отчет Министерства иностранных дел, «совпадают или близки» по «большинству глобальных и региональных проблем». Эти проблемы перечислялись – «конфликтные ситуации на Ближнем Востоке», «иранская ядерная программа», «арабо-израильский конфликт», «нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с экстремизмом и терроризмом»¹. Из «совпадения» позиций вытекало, что Россия, рассматривает своего саудовского партнера, по словам президента Владимира Путина, сказанным еще в сентябре 2003 г., как «одного из лидирующих государств в мусульманском мире», стремясь к развитию с этим государством многогранных связей².

Для развития и углубления этих связей существовало, казалось бы, объективное обстоятельство – взаимная политическая заинтересованность. Итоги состоявшихся в сентябре 2003 г. и в феврале 2007 г. официальных визитов, соответственно, (в то время) наследного принца (будущего короля) Абдаллы бен Абдель Азиза в Москву и президента Владимира Путина в Эр-Рияд, выглядели в этом отношении обнадеживающими, создавая основу для углубления межгосударственных связей. Но речь шла не только о шагах, предпринимавшихся на уровне высшего руководства, – обе страны выглядели близкими (что вовсе не означало, что они обретали черты полного подобия) и с точки зрения формально «глубинных», но, по сути дела, разводящих их в стороны, обстоятельств.

Каждая из них провозглашала себя носителем «цивилизационной миссии» (вне зависимости от времени ее появления) – ислама в его саудовской версии и евразийства

православно-мусульманского толка в российском варианте. Отталкиваясь от этой «миссии» (позволяющей претендовать на ведущую роль в пределах монополизируемого каждой из обеих стран геополитического пространства – арабо-мусульманского либо «русского» мира), каждая из них декларировала приверженность «консервативной традиции», отвергая «либеральное вмешательство» в сферу «прав человека». Эта «глубинная» близость содержала в себе, тем не менее, существенно ограничивающие ее стереотипы – «ваххабитский» ислам (рассматриваемый как угроза «идентичности» и единству территории российского государства) остается в центре внимания связанной с Саудовской Аравией российской общественно-политической риторики³, «неразрывность» уз, обеспечивающих преемственность внутри- и внешнеполитического курса имперской, советской и современной России (определяемого как «имманентная враждебность чистому исламу»), определяет саудовский дискурс. Даже если не принимать во внимание воздействие этих стереотипов на российско-саудовские контакты, ограничиваясь исключительно официальным двусторонним политическим взаимодействием, реальность этого взаимодействия не может быть сведена лишь к прокламируемому оптимизму, – состояние российско-саудовских отношений на протяжении последних более чем двадцати пяти лет не всегда соответствовало выводам официальных российских документов, а провозглашавшееся этими документами «совпадение» позиций обеих стран часто представало как, в лучшем случае, формальное.

Возобновление двусторонних отношений

17 сентября 1990 г. Советский Союз и Саудовская Аравия достигли соглашения об обмене дипломатическими представителями на уровне послов, – эпоха длительного международного и регионального противостояния обеих сторон завершилась. Две страны, как подчеркивало принятое

ими Совместное советско-саудовское коммюнике, заявляли о своем стремлении развивать «дружеские отношения на благо народов обоих государств», опираясь на «принципы мирного сосуществования, равенства и взаимного уважения суверенитета», содействуя «урегулированию региональных конфликтов, развитию международного сотрудничества и укреплению мира и международной безопасности»⁴. Возобновление отношений с Саудовской Аравией открыло перед Советским Союзом и его правопреемником Россией путь к прямым контактам со странами Совета сотрудничества арабских государств Залива – ССАГЗ (исключение составлял только Кувейт, установивший дипломатические отношения с Советским Союзом еще в 1963 г.), – впервые в советской/российской истории были установлены дипломатические связи со всеми государствами – членами Лиги арабских государств (ЛАГ).

Восстановление советско/российско-саудовских связей – часть более широкого контекста трансформации системы международных отношений в эпоху начала 1990-х гг., определявшихся процессами внутрисоветской перестройки и, как ее следствия, «нового политического мышления» в сфере внешней политики. Итогом этой трансформации стало сближение с Соединенными Штатами, менявшее взгляд Москвы на афро-азиатский регион. Занимая существенное место в советской внешней политике, этот регион был, тем не менее, «вторичен» и включался в нее в силу более весомого обстоятельства, – для творцов этой политики он выступал как поле советско-американской биполярной конфронтации. Провозгласив же основой своей внешней политики «общечеловеческие ценности», Советский Союз более не стремился видеть в афро-азиатском регионе арену противостояния двух великих держав, где присутствовали «прогрессивные» (в дискурсе Москвы той эпохи – советские «союзники») и «реакционные» («союзники» Соединенных Штатов) государства, и начинал рассматривать конфликты в пределах этого огромного геополитического пространства как вызов,

ответом на который должны были стать согласованные действия всего мирового сообщества. В этом контексте установление контактов с теми государствами, в частности, Ближнего Востока, которые ранее рассматривались как американские региональные «сателлиты» (что относилось не только к возобновлению советско/российско-саудовских отношений или установлению связей с государствами ССАГЗ, но, в том числе, и к реанимации связей с Израилем), было естественно⁵.

Новое советское/российское «политическое мышление» и, как его следствие, курс на коррекцию системы региональных приоритетов, определялись обстоятельствами внутреннего развития последних лет существования Советского Союза и условиями формирования современной России, провозглашавшей себя «частью мирового сообщества»⁶. Выдвигавшийся новыми группами политической элиты, концентрировавшейся вокруг первого российского президента Бориса Ельцина, лозунг «демократии» был направлен против «коммунистической номенклатуры». Углубляя процесс внутренней конфронтации, российские «либералы» требовали «вхождения в мировую цивилизацию» и формировали блок своих приверженцев, опираясь на восходившие к все той же «коммунистической номенклатуре» элиты будущих постсоветских государств и этнических автономий в составе России, лидеров религиозных конфессий и институтов (включая Русскую православную церковь – РПЦ и мусульманских иерархов), как и на последователей многообразных вариантов «национально-патриотической идеи». Сфера внешней политики, отходившей от биполярного противостояния и осуществлявшей переоценку региональных приоритетов, становилась отражением внутрисоветских/внутрироссийских процессов, испытывая зависимость от соотношения сил в обоих противостоявших лагерях⁷.

Во второй половине апреля 1992 г. первый российский министр иностранных дел Андрей Козырев совершил

официальный визит в страны Залива, встретившись в Эр-Рияде с королем Фахдом бен Абдель Азизом⁸. Официальный комментарий в связи с этим визитом подчеркивал: «Поездка министра отразила намерение России проводить более сбалансированный курс в отношениях с государствами [арабского] региона и развивать отношения с теми из них, кто умеренной, разумной политикой не только достиг процветания своих народов, но и вносит ощутимый вклад в мировую цивилизацию, в стабильность и безопасность в регионе Залива». Считая необходимым содействовать афганскому и ближневосточному урегулированию, как и ликвидации последствий иракской агрессии против Кувейта, российское руководство подчеркивало, что его политика в зоне Персидского залива исходит из принципа «партнерства с США» как основы для создания «надежной системы региональной безопасности».

Одной из тем переговоров А. Козырева в саудовской столице стало обсуждение ситуации на Северном Кавказе, – в Эр-Рияде было «выражено понимание и положительное отношение» к российской позиции в отношении «экстремизма». Российская же сторона (солидаризируясь с желанием ее саудовского партнера поддерживать процесс «исламского возрождения» на постсоветском пространстве) заявляла, что будет содействовать «созданию условий» для того, чтобы «миллионы российских мусульман общались со своими братьями по вере, осуществляя паломничество в святые места», выражая, вместе с тем, надежду на то, что на примере Саудовской Аравии и стран Залива, проводящих «взвешенную внутреннюю и внешнюю политику», российские приверженцы ислама будут приходить к «пониманию того, что подлинное процветание [российского] государства возможно только при условии отказа от любого экстремизма» и «невмешательства ислама в политику»⁹. Внутрироссийский «мусульманский вопрос» обретал оттенок самодевуствующей величины, оказывая прямое воздействие на достижение российско-саудовского взаимопонимания.

Это было, тем более, очевидно, что российские эксперты начала 1990-х гг. (вне зависимости от их политических предпочтений) считали, что «идушей с Юга» угрозой безопасности России выступает иранский «исламский фундаментализм» и турецкий «пантюранизм»¹⁰. Эта угроза, как писал в то время российский исследователь Саудовской Аравии, способна вызвать к жизни «единый блок с антирусской направленностью на базе мусульманского фундаментализма или пантюркизма», включающий «мусульманские» постсоветские государства, российский Северный Кавказ и тюркоязычные автономии Поволжья и Урала (Татарстан и Башкортостан). Чтобы исключить появление этого «блока», как он считал, Россия должна была «превратиться в дружественного, равноправного партнера» мусульманских стран «дальнего зарубежья»¹¹ – государств Залива. Понимание важности действий в этом направлении подталкивало Россию и к развитию связей с патронируемой и финансово поддерживаемой Саудовской Аравией Организацией исламского сотрудничества (ОИС, в то время – Организацией Исламская конференция), – в 1994 г. в Москве побывал ее (тогда) генеральный секретарь Хамид аль-Габид¹².

В ноябре 1994 г. Саудовскую Аравию (и другие страны Залива) посетил председатель Совета министров Российской Федерации Виктор Черномырдин. В Эр-Рияде глава российского правительства был принят королем Фахдом бен Абдель Азизом и наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом, – в ходе состоявшихся переговоров обсуждались «представляющие взаимный интерес международные проблемы» – Мадридский мирный процесс и ситуация, складывавшаяся после введения международных санкций в отношении Ирака, а также «различные аспекты двусторонних отношений»¹³. В российской столице считали, что состоявшийся обмен мнениями «продемонстрировал схожесть или близость позиций», а возникшее между сторонами «политическое доверие» предполагало, что Россия и Саудовская Аравия

будут действовать, развивая отношения и «в экономической сфере» (в том числе, и на основе предоставления преференций саудовской стороне на территории российских «мусульманских» анклавов).

В ходе визита В. Черномырдина было подписано Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее сотрудничество обоих государств «в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта», и достигнута договоренность о создании «Совместной межправительственной Российско-Саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству». Издание российского министерства иностранных дел подчеркивало, что подписанное соглашение «подвело правовую основу» под двусторонние отношения, что квалифицировалось как «важный шаг» на пути перевода этих отношений «на качественно новый уровень».

Оценивая новое направление российской внешней политики, эксперт российского внешнеполитического ведомства писал, что «начинающееся всестороннее сотрудничество» России со странами ССАГЗ и, прежде всего, Саудовской Аравией подтверждает «общий курс демократизации во внешней политике», отвечает интересам «демократического российского руководства» (включая и его действия, направленные на расширение прав внутрироссийских этнических автономий, провозглашавших себя «республиками») и поможет ему в «борьбе с “непримиримой” оппозицией и “реваншистскими” силами внутри страны»¹⁴. В свою очередь, эксперты противоположного «демократическому» министерству иностранных дел внутривластного лагеря подчеркивали недопустимость «радужных оценок» перспектив российского сотрудничества с Саудовской Аравией – «заповедного поля западных, в первую очередь, американских компаний», отмечая, что «широкое военно-политическое сотрудничество с королевством не представляется возможным», и делая акцент на необходимости возобновления «многоаспектных связей с традиционными советскими союзниками в арабском мире»¹⁵.

События в Чечне и Югославии: кризис в двусторонних отношениях

Начавшиеся в декабре 1994 г. военные действия в Чечне привели к длительному кризису находившихся на стадии становления российско-саудовских отношений, – как свидетельствовал официальный документ российского министерства иностранных дел, в течение времени с ноября 1994 г. по сентябрь 2003 г. между обеими странами отсутствовали сколько-либо значимые политические контакты¹⁶. Официальная российская версия причин этого кризиса отталкивалась, если цитировать работавшего в 2000–2005 гг. в Эр-Рияде российского посла, от «различия подходов сторон в отношении событий на Кавказе, в частности, в Чечне»¹⁷.

Развитие внутрироссийской ситуации обрамляло эту версию антисаудовскими подробностями, – Саудовская Аравия провозглашалась источником «ваххабитской идеологии» (в определенных обстоятельствах таким источником могли объявляться все страны Залива), внедряемой по «американскому указанию» в пределы российского Северного Кавказа (но также и в региональное пространство Поволжья и Урала) действовавшими в России саудовскими (кувейтскими, эмиратскими либо катарскими) благотворительными фондами и организациями. По мере развития боевых действий в Чечне (в дальнейшем и в Дагестане) противостоявшие российской армии формирования все чаще квалифицировались как руководимые «иностранцами», в составе которых велика «доля саудовских подданных», поощрявшихся к «джихаду» собственным правительственно-религиозным истеблишментом¹⁸.

Антисаудовская риторика усиливалась и в связи с событиями на постъюгославском пространстве, – последователи «русской национально-патриотической идеи» считали провозглашение независимости Боснии и Герцеговины

и движение Косово к отделению от Сербии «агрессией НАТО и ваххабитской "Аль-Каиды"» против «православия на Балканах». Этой «агрессии» противостояли воевавшие на стороне боснийской Республики Сербской (а затем и в составе сербской армии) русские добровольцы¹⁹. Если в случае Боснии и Герцеговины Россия пошла на признание этого постъюгославского государства, то «косовский вопрос» рассматривался Москвой (как подчеркивал в апреле 1999 г. российский министр иностранных дел Игорь Иванов) как прямой итог совместных действий «албанских сепаратистов», «НАТОВских агрессоров» и «боевых отрядов моджахедов из Пакистана, Афганистана и ряда стран Персидского залива при активной помощи саудовских спецслужб»²⁰. Идея тесного американо-саудовского взаимодействия (если не координации действий обеих сторон) вновь обретала черты реальности, становясь определяющей для российского взгляда на Саудовскую Аравию. Отвергая выраженную в конце марта 1999 г. (в то время) главой саудовского внешнеполитического ведомства Саудом аль-Фейсалом в ходе его визита в Москву «озабоченность судьбой косовских албанцев-мусульман», И. Иванов был категоричен: «От натовских бомбежек страдают все, независимо от национальности и вероисповедания»²¹.

Вторая половина 1990-х гг. стала временем серьезных перемен на российской общественно-политической сцене. Рост социальной напряженности, вызванной экономическими трудностями и военными действиями в регионе Северного Кавказа, вынудил первого российского президента дистанцироваться от «либералов» (наиболее последовательные приверженцы этого политического лагеря открыто выступили против военных действий в Чечне). Российская политическая элита пополнялась выходцами из «коммунистической номенклатуры», действовавшей в союзе со сторонниками русской «национально-патриотической идеи» и поддерживавшейся РПЦ (и заявлявшими о своей приверженности «святой Руси» главами некоторых муфтиатов). Менявшаяся элита опиралась на высшее офи-

церство армии и специальных служб и, не ставя под сомнение осуществленные хозяйственные преобразования, настаивала на «ликвидации экономической монополии инационального капитала».

Принятая в декабре 1997 г. Концепция национальной безопасности Российской Федерации утверждала, что одной из важнейших угроз российской государственности выступает «политический и религиозный экстремизм», используемый «другими государствами», чтобы «противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире». Орудием реализации этой угрозы Концепция провозглашала «силовые действия НАТО», а также «активизацию зарубежных террористических организаций»²². Возникла ситуация, которую президент Б. Ельцин в конце марта 1999 г. назвал «кризисом в российско-американском партнерстве», несущем в себе возможность «новой конфронтации»²³. В свою очередь, российские (включая и тех, кто принадлежал к мусульманскому сообществу) эксперты (опираясь на данные Федеральной службы безопасности) сообщали об установленных еще в начале 1990-х гг. личных контактах между ведущими фигурами «Аль-Каиды» (Усама бен Ладен назывался в этой связи в первую очередь) и главами некоторых региональных муфтиятов, как и о том, что обучение российских мусульман в «зарубежных религиозных учреждениях» (в Саудовской Аравии и в странах Залива) – «канал проникновения в Россию чуждых для нее форм ислама»²⁴. Они начинали и критическую переоценку деятельности саудовских благотворительных фондов (после 1998 г. – Объединенного комитета помощи Косово и Чечне – Г.К.), подчеркивая, что эти фонды далеки «от реалистической оценки положения внутри российской уммы», проявляя «излишнюю доверчивость в отношении непорядочных “деятелей от ислама”»²⁵.

Определение «непорядочные “деятели от ислама”» – эвфемизм, за которым скрывалось значимое для России второй половины 1990-х-начала 2000-х гг. обстоятельство,

что означало дифференциацию в рядах ее мусульманского сообщества. Помощь саудовских благотворительных фондов (как и фондов других стран ССАГЗ) содействовала, в том числе, возникновению новых региональных муфтиятов, проводивших самостоятельный (оценивавшийся государством как едва ли отвечающий его интересам) курс, открывавший путь к усвоению мусульманскими гражданами России (не только на Северном Кавказе, но и в поволжско-уральском регионе) неханифитских правовых школ (хотя официально они действовали в рамках ханифитского мазхаба) и оппозиционных уфимскому Центральному духовному управлению мусульман (ЦДУМ)²⁶. Если в дальнейшем эти муфтияты вошли в состав московского Совета муфтиев России (СМР), это не означало, что, вступив в эту организационную структуру, их руководители не сохранили высокой степени автономности. Возникло новое поколение религиозных деятелей (часто объединенных семейно-региональными узами), вступавших в борьбу с теми, кого они обвиняли в «раболепии перед властью» и называли «наследниками коммунистического прошлого». Первоначально ориентируясь на ЦДУМ, власть видела в этих религиозных деятелях «сторонников саудовского ваххабизма»²⁷.

Саудовское направление переставало быть приоритетом российской внешней политики. Говоря об «обеспечении безопасности России», Концепция национальной безопасности называла одним из его инструментов отражения стоящих перед ней вызовов «развитие отношений с традиционными партнерами на Ближнем Востоке»²⁸. Обращаясь в марте 1999 г. к Федеральному собранию, президент Б. Ельцин назвал «важной задачей» российской дипломатии «создание “пояса добрососедства” по периметру» границ с «южными соседями» – Ираном и Турцией²⁹. Хотя принятая в июне 2000 г. (в марте 2000 г. В. Путин был избран на свой первый президентский срок) Концепция внешней политики Российской Федерации и провозглашала стремление «добиваться стабилизации

обстановки на Ближнем Востоке, включая зону Персидского залива», новое руководство считало своей «приоритетной» задачей «укрепление» экономических позиций. Эти позиции определялись как «продвижение российских экономических интересов в вопросе выбора маршрутов прохождения потоков энергоносителей» в регионе «Большого Средиземноморья» – «связующего узла» для «Ближнего Востока, Черноморского региона, Кавказа, бассейна Каспийского моря». Курс России в пределах этого огромного геополитического пространства должен был стать линией на его «превращение в зону мира, стабильности и добрососедства», где было «важно и далее развивать отношения с Ираном»³⁰. Арабский мир (как и его составляющий элемент – зона Аравийского полуострова и Персидского залива) превращался в объект решения внешних по отношению к нему задач.

Россия и Саудовская Аравия: время разрядки

Приход В. Путина (первоначально, с января по март 2000 г., в качестве исполняющего обязанности президента) на высший пост исполнительной власти вносил перемены в российско-саудовские отношения. Ситуация в Чечне, где все еще продолжалась, если следовать правительственной риторике конца 1990-х-начала 2000 гг., «направленная против бандитских формирований антитеррористическая операция», заставляла российское руководство налаживать связи с Саудовской Аравией с тем, чтобы окончательно положить конец внешним контактам «чеченских сепаратистов».

В середине января 2000 г. посетившая Москву делегация «старших должностных лиц» ОИС (встречавшаяся и с руководителями обоих официальных муфтиятов), заявив о «неизменности позиции» этой организации «в пользу сохранения территориальной целостности Российской Феде-

рации», выразила «осуждение терроризма как явления, полностью противоречащего основополагающим принципам ислама»³¹. В конце января 2003 г. по приглашению И. Иванова Москву посетил (в то время) генеральный секретарь ОИС Абдель Вахид Бельказиз. Сообщая об итогах переговоров, министр иностранных дел отметил, что в российской столице приветствовали «понимание гостя» в отношении «усилий российского руководства в интересах стабилизации обстановки» в Чечне, как и необходимости содействия со стороны ОИС в деле восстановления там «объектов экономики, здравоохранения, образования». Тогда же в российском министерстве иностранных дел был создан пост заместителя министра по связям с международными исламскими организациями³².

В начале февраля 2000 г., принимая в российской столице глав арабских делегаций, участвовавших в заседании Группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку (в том числе и саудовского государственного министра по внешним делам Низара Мадани), И. Иванов информировал их о «мерах по восстановлению мирной жизни в освобожденных районах Чеченской республики», высказав «признательность» российской стороны «за гуманитарную помощь, оказываемую мирному населению Чечни арабскими странами». В Эр-Рияде эти слова могли рассматриваться как свидетельство реабилитации саудовских благотворительных фондов, что определило и тон заключительного параграфа цитируемого документа: «Арабские министры подтвердили принципиальную позицию своих стран в поддержку территориальной целостности Российской Федерации и невмешательства в ее внутренние дела, осуждение ими терроризма. Они высказались за скорейшее восстановление в Чечне мира и спокойствия»³³.

В начале марта того же года саудовскую столицу в качестве специального представителя В. Путина посетил российский министр по национальной политике Рамазан Абдулатипов, прошедший встречи с наследным принцем

Абдаллой бен Абдель Азизом и С. аль-Фейсалом. Официальный документ, сообщавший о целях предпринятой миссии, подчеркивал ее многогранный характер – рассмотрение «перспектив развития торгово-экономических отношений», «ситуации в регионе, включая ближневосточный мирный процесс, и обстановку вокруг Ирака». Тем не менее, важнейшей задачей министра, связанного с Северным Кавказом и мусульманским сообществом России, выступало изложение российской точки зрения в отношении Чечни, состоявшей в том, что там «восстанавливается конституционная законность и правопорядок». Эта задача была решена, – Р. Абдулатипов получил заверения саудовской стороны в том, что ею «уважается территориальная целостность России и принцип невмешательства в ее внутренние дела», как и в том, что саудовские благотворительные фонды будут «координировать усилия» с российскими органами власти, оказывая лишь «гуманитарную помощь населению северокавказского региона»³⁴. Идентичные заверения были получены и в ходе поездки в Эр-Рияд нового специального представителя российского президента Василия Средина в ноябре 2000 г.³⁵.

Исключение из сферы российско-саудовских отношений «раздражающего» фактора – «чеченского вопроса» (в том числе, и при опоре на назначенного В. Путиным в 2000 г. первого президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова³⁶) определило их выход из состояния стагнации. Стремясь содействовать движению в этом направлении, 13 мая 2003 г., встречаясь с (в то время) генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном, российский президент сделал неожиданное (на фоне его предшествовавших высказываний) заявление о схожести «трагических событий – террористических актов в Чечне и Саудовской Аравии» и сопоставимости «их последствий»³⁷. Потепление российско-американских связей³⁸ (в связи с положением в Ираке и развитием палестино-израильского мирного процесса), как и укреплявшееся в Москве понимание того, что Саудовская Аравия далека от того, чтобы быть американским сателли-

том, закрепляло вновь возникшую тенденцию, тем более что в российской столице поддержали инициированную наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом «арабскую мирную инициативу»³⁹. В мае 2003 г. во время рабочей поездки С. аль-Фейсала в российскую столицу его российский коллега И. Иванов заявил о том, что в России «с большим нетерпением» ожидают «наследного принца Саудовской Аравии»⁴⁰. В начале сентября того же года в российскую столицу (впервые после 1932 г., когда Москву посетил принц Фейсал бен Абдель Азиз) с официальным визитом прибыл будущий король Абдалла бен Абдель Азиз.

Принимая (в те годы) фактического руководителя саудовского государства, российское руководство стремилось окончательно решить вопрос стабилизации Северного Кавказа и исключить (в рамках инициированного В. Путиным процесса восстановления «вертикали власти» и ограничения полномочий региональных этнических автономий) воздействие вызова религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию, – иные аспекты двусторонних отношений (торгово-экономическое взаимодействие, в том числе и сотрудничество в сфере энергоносителей, а также координация внешнеполитических действий в связи с Ираком и положением на Ближнем Востоке) вытекали из этой задачи. Программа пребывания Абдаллы бен Абдель Азиза включала встречи не только с главами ЦДУМ и СМР, но и с Патриархом РПЦ, доказывая реальность «мирного сосуществования ислама и православия» и определяющуюся этим сосуществованием «уникальность российской цивилизации». Итогом встречи наследного принца с премьер-министром Михаилом Касьяновым стало заявление о создании «совместной российско-саудовской рабочей группы по вопросам борьбы с терроризмом», а также недвусмысленно выраженная фактическим главой саудовского государства мысль о том, что «чеченский вопрос – внутреннее дело России», урегулирование которого «должно осуществляться мирным путем, через конституционные процедуры в рамках Российской Федерации»⁴¹.

Итоги визита принца Абдаллы бен Абдель Азиза получили поддержку значительного сегмента российского общества. Их приветствовали объединенный Торгово-промышленной палатой во главе с (в ту эпоху) Евгением Примаковым «национальный капитал», коммунисты и «национально-патриотические» силы, включая армейский генералитет, как и элиты «мусульманских» этнических автономий, – при этом позиция этих общественных групп окрашивалась в тона противостояния «американской региональной гегемонии» и «американскому экономическому засилью»⁴². В свою очередь, комментируя переговоры саудовского сановника в Москве, И. Иванов подчеркивал: «Эти переговоры открывают новую страницу в наших отношениях, характеризующуюся конструктивным взаимодействием в духе открытости и взаимного доверия». Сфера этого доверия отныне включала «совпадение взглядов» едва ли не по всем вопросам международной и ближневосточной повестки дня⁴³.

Связи, установленные Россией с ОИС, содействовали тому, что российское руководство, стремясь к дальнейшему расширению контактов с этой организацией, все более видело в ней инструмент сужения влияния религиозных радикалов на мусульманское сообщество. В свою очередь, сами эти контакты не были бы возможны без изменения представлений о характере государства, – в апреле 2003 г., находясь в Таджикистане, В. Путин заявил, что то, что в России «проживают миллионы мусульман, считающих ее своей родиной», доказывает, что ее можно «называть частью мусульманского мира»⁴⁴. Движение России к расширению отношений с ОИС было поддержано во время визита принца Абдаллы бен Абдель Азиза, – принятое по его итогам Совместное российско-саудовское заявление подчеркивало: «Саудовская сторона выразила уважение и понимание инициативы Российской Федерации расширить свое сотрудничество с (в то время) Организацией Исламская конференция»⁴⁵.

В октябре 2003 г., выступая перед участниками X саммита ОИС в малазийской Путраджайе, российский президент (которого сопровождал А. Кадыров) объявил о необходимости «участия» России в деятельности этой объединяющей мусульманское геополитическое пространство организации в силу ее «переплетенности с исламским миром»⁴⁶. В конце июня 2005 г. на проходившей в йеменской столице Сане 32-ой конференции министров иностранных дел государств ОИС Россия примкнула к этой организации в качестве страны-наблюдателя. По словам российского президента, сказанным во время состоявшегося в феврале 2007 г. официального визита в Эр-Рияд, реализация этого начинания едва ли была бы возможна без «содействия короля Абдаллы бен Абдель Азиза»⁴⁷.

Инициатива В. Путина о присоединении России к ОИС была безоговорочно поддержана обоими официальными муфтиятами, – она укрепляла позиции их руководства в противостоянии новому поколению исламских деятелей⁴⁸. Сдержанность реакции РПЦ была естественна, – представители Патриархата ограничились заявлением о том, что вопрос о сотрудничестве с ОИС «не находится в компетенции Церкви». В свою очередь, официальная оценка активизации отношений с ОИС была полна оптимизма. В интервью российским средствам массовой информации по итогам участия в состоявшейся в Стамбуле в июне 2004 г. 31-й сессии министров иностранных дел ОИС вновь назначенный глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров замечал: «В практическом плане мы видим результат нашего сотрудничества с Организацией. В политическом плане – не помню, чтобы со стороны Организации выражалось какое-либо недопонимание наших действий. Наоборот, ощущалась политическая поддержка». Далее он добавлял, что между Россией и ОИС «есть взаимная тяга»⁴⁹. Официальный оптимизм не исключал, тем не менее, и известной доли настороженности, – в октябре 2004 г. российский президент, подчеркивая «ущемленность» северокавказских

«представителей традиционного ислама», «не радующихся помощи из Саудовской Аравии», направляемой на возведение новых мечетей, заявил о необходимости идти по пути расширения государственной поддержки этого процесса⁵⁰.

11–12 февраля 2007 г. В. Путин посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию. Ко времени этого визита в России уже были осуществлены меры (поводом для них стал террористический акт, совершенный в 1 сентября 2004 г. в североосетинском Беслане), направленные на создание системы управления (в российской политической риторике – «вертикали исполнительной власти»), предоставившей широкие полномочия органам государства и урезавшим возможности региональных элит и оппозиции. Частью этих мер стало силовое подавление антиправительственных движений в Чечне и на Северном Кавказе. Российское государство (добившееся оправдываемого задачами «национального созидания» безоговорочного контроля над деятельностью крупного предпринимательства) обрело характер самодовлеющей величины, стремящейся к проведению самостоятельной внешнеполитической линии, оправдываемой уникальностью «тысячелетней историей России» и ссылками на «неприемлемость» и «невозможность» существования построенной на американской «гегемонии» системы «однополярных» международных отношений. 10 февраля 2007 г., накануне поездки в Эр-Рияд эти идеи российский президент высказал в речи, произнесенной им на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности⁵¹.

Находясь в саудовской столице, В. Путин вновь говорил о многонациональности и многорелигиозности российского государства – «общего дома для христиан, мусульман, представителей других конфессий», «много веков» живущих «в согласии и добрососедстве», – включение в состав российской делегации (в то время) президента Татарстана Минтимера Шаймиева доказывало, что это «согласие» – «национальное достояние» России. Эти

слова (казавшиеся традиционными для сложившейся системы российско-саудовских отношений и ранее произносившиеся в связи с «чеченской проблемой») на этот раз становились поводом для оправдания иной постановки вопроса. Говоря о «тысячелетней истории» страны и представляя один из ее аспектов – «уникальный опыт взаимообогащения культур и традиций» (что коррелировалось с саудовской точкой зрения, связанной с инициированным королем Абдаллой бен Абдель Азизом «диалогом религий и цивилизаций»), российский президент шел далее, считая «диалог цивилизаций» путем к «созданию более справедливой системы международного устройства, основанной на принципах равноправия и уважения всех людей вне зависимости от их национальности или вероисповедания». Отказ от системы «однополярности» четко акцентировался, – «такую политику Россия намерена проводить по всем направлениям, включая обширное пространство Аравийского полуострова и Персидского залива», как и (уже после присоединения к ОИС) «мусульманского мира»⁵².

Важнейшим аспектом российско-саудовских переговоров в ходе визита В. Путина выступало желание российской стороны к «налаживанию торгово-экономического сотрудничества с арабскими странами», в рамках которого Саудовская Аравия «может и должна» стать «экономически значимой» для российского предпринимательства, – эти слова интерпретировались в саудовской столице как признание ее лидирующей роли в арабском регионе. Встречаясь с саудовскими бизнесменами, российский президент (опираясь на проводимый саудовской стороной курс на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей) заявлял о возможности двустороннего сотрудничества в сфере добычи и переработке энергоносителей, транспортной инфраструктуры, космоса, атомной энергетики, металлургии. Речь шла о том, что в дальнейшем (отталкиваясь от расширенного понимания идей, высказанных российским президентом в ходе

визита) российский эксперт, писавший в издании министерства иностранных дел, назвал «прорывом в сферу американского экономического господства»⁵³. Отмечая же «богатейшие возможности российского рынка», В. Путин, считавший необходимым добиться увеличения потока саудовских инвестиций в российскую экономику, утверждал, что характеристиками России стали «устойчивый рост экономики, политическая стабильность, добротная правовая база»⁵⁴, вытекавшие из воссозданной им «вертикали власти».

Список подписанных в Эр-Рияде двусторонних документов не оказался, вместе с тем, значительным и способным коренным образом изменить двустороннее экономическое взаимодействие⁵⁵. 13 февраля 2007 г., уже находясь в Аммане, где завершилась его ближневосточная поездка, В. Путин, отвечая на вопросы российских журналистов, назвал Саудовскую Аравию (как и Катар, где он побывал после посещения Эр-Рияда) «партнером номер один» в отношении взаимной «координации усилий на мировых энергетических рынках», коснувшись и вопроса о развитии «военно-технического сотрудничества». Вместе с тем, по его словам, это – «чувствительные области взаимодействия», о которых можно говорить только после подписания соответствующих контрактов⁵⁶.

Речь не шла лишь о том (как это утверждали российские эксперты), что «реализация потенциала российско-саудовского экономического сотрудничества» требует «преодоления инерции прошлого»⁵⁷, но и о воздействии нового политического курса России (сформулированного в дальнейшем пришедшим на смену В. Путину в мае 2008 г. Дмитрием Медведевым как «Россия, вперед!»). Высказанная секретарем российского Совета Безопасности (ранее министром иностранных дел) Игорем Ивановым в ходе его визита в Иран в канун поездки президента В. Путина в Эр-Рияд, инициатива России о создании новой, включающей и Иран системы безопасности в Заливе, не встретила какого-либо дружественного внимания саудовской стороны⁵⁸.

Развивая курс на демонтаж системы «однополярности» международных отношений, российское руководство стремилось использовать свои возможности в ОИС. Оказав содействие созданию Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», это руководство возвращалось к идее укрепления связей с саудовской стороной, вновь обращая внимание на инициативы своего партнера, связанные с «диалогом религий и цивилизаций». Приветствуя состоявшееся в Джидде в октябре 2008 г. заседание этой Группы, Д. Медведев не только подчеркивал важность инициативы короля Абдаллы бен Абдель Азиза о «развитии межрелигиозного диалога», но и считал, что ее обсуждение должно стать основным вопросом повестки дня заседания в саудовской «экономической столице», дополняя начинание саудовского монарха предложением о «создании под эгидой ООН» копирующего его российский аналог «консультативного совета религий⁵⁹» в интересах «укрепления нравственных начал в мировой политике».

Россия менялась, – религия (в первую очередь, православие и ислам) все более входила в ее общественно-политическую жизнь, превращая Церковь (но также и мусульманские духовные управление) в важного игрока на внутрироссийской сцене. Поддерживая же «диалог религий и цивилизаций», Россия и исламский мир, по словам российского президента, оказывались способны содействовать развитию процесса, в отношении которого он заявлял, что «на наших глазах уходят в прошлое иллюзии однополярного мира» и появляется реальная возможность «достижения нового уровня глобального партнерства». При этом, как отмечалось в приветствии Д. Медведева заседанию Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» в Джидде, «активное взаимодействие России с исламским миром будет способствовать построению более справедливой системы международных отношений, где фактор силы окончательно перестанет играть роль универсального инструмента решения всех возникающих проблем»⁶⁰.

«Арабская весна»: новый кризис в двусторонних отношениях

Все же, вплоть до 2011 г., времени начала «арабской весны», российско-саудовские политические отношения ограничивались сферой протокольных мероприятий. Хотя принятая в июле 2008 г. новая Концепция внешней политики Российской Федерации (утвержденная президентом Д. Медведевым) и заявляла о том, что «Россия настроена и далее развивать отношения» с Саудовской Аравией, эта страна лишь включалась в более широкий круг «ведущих региональных государств», в котором (во многом селективно) присутствовали «Турция, Египет, Алжир, Иран, Сирия, Ливия, Пакистан» и с которыми Москва предполагала укреплять контакты «в двустороннем и многостороннем форматах». В свою очередь, связи с ОИС ставились цитируемым документом в «рамки реализации Инициативы партнерства “Группы восемь” с регионом Ближнего Востока и Северной Африки»⁶¹.

Последствия российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. (не вызвавшие какую-либо негативную реакцию саудовской стороны⁶²), как и финансово-экономический кризис конца 2008–2009 гг. требовали от президента Д. Медведева выработки новых форм отношений с внешним миром. Это обстоятельство определяло выводы эксперта министерства иностранных дел (будущего российского посла в Эр-Рийяде и представителя при штаб-квартире ОИС в Джидде), позитивно писавшего в конце 2010 г. о состоянии российско-саудовских контактов: «Развивая отношения с Саудовской Аравией, Россия делает это не за счет интересов третьих стран, будь то региональных или внерегиональных, или же в ущерб кому бы то ни было. В силу своей самодостаточности она не стремится к обладанию военными базами или контролю над нефтяными потоками в этой и без того перегружен-

ной иностранным военным присутствием и конфликтами зоне, не играет в опасные геополитические игры». Далее он продолжал: «Москва выстраивает свои взаимоотношения с Эр-Риядом на основе международного права, на базе принципов равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, в интересах стабильности и мира на Ближнем Востоке и в зоне Залива»⁶³.

Позитивность выводов в отношении связей с Эр-Риядом не скрывала, вместе с тем, реальности – сфера российско-саудовского сотрудничества сокращалась, что относилось и к контактам в области религии. В августе 2009 г., встречаясь с «муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа», Д. Медведев говорил о важности «внутрироссийского» исламского образования и предпочтительности развития «просветительских проектов» с учебными заведениями «Ливии, Сирии и Египта», считая возможным ставить вопрос о поддержке лишь «согласованных с федеральными и региональными властями контактов с Королевством Саудовская Аравия по вопросам хаджа»⁶⁴.

«Арабская весна» (достаточно быстро квалифицированная в России как «*фитна* – смутное время») радикально изменила российскую официальную и общественную риторику, как и политику в отношении Саудовской Аравии. Произошедшая трансформация стала следствием взгляда на события 2011–2012 гг. (а также их последующей эволюции) как на эпизод «цветных революций», спланированных Западом (в первую очередь Соединенными Штатами) и осуществленных «ближневосточными автократами» – первой из них называлась Саудовская Аравия, ставшей (вместе с Катаром) их «региональным “куратором” от Запада»⁶⁵.

Российский взгляд на события в арабском мире определялся тем, что эти события оценивались как аналогичные «бунтам», произошедшим в ряде государств постсоветского пространства и давшим власть «радикальным антироссийским силам». Эти «бунты» оценивались как удар

по российским экономическим интересам, что, в первую очередь относилось к Ливии⁶⁶. В конце апреля 2012 г., давая общую оценку развитию событий в арабском мире, российский президент пессимистично замечал: «“Арабская весна” закончится холодной “арабской осенью”». По его мнению, «к власти в ряде стран рвутся радикалы, и работать с ним будет гораздо тяжелее». Вину за складывавшуюся ситуацию он возлагал на «американских и европейских партнеров»⁶⁷. Российское экспертное сообщество было более откровенно.

Комментируя события «арабской весны», эксперт министерства иностранных дел определяла Саудовскую Аравию, как сохраняющую в ее внешней политике «имидж преданного партнера» Соединенных Штатов, что, по мнению этого эксперта, не исключало самостоятельных саудовских (а также катарских) действий, направленных на то, чтобы «вывести “революционную волну” за пределы своих владений, но так, чтобы она сметала на своем пути светские арабские режимы», на месте которых должны были появиться «связанные тесными нитями с “ваххабитским тандемом” (Саудовской Аравией и Катаром – Г.К.) исламистские партии и движения». Цель действий в этом направлении – «переформатирование Ближнего Востока» и содействие приходу к власти в странах региона «религиозно-ориентированных режимов, близких по своим идеологическим и политическим установкам суннитско-фундаменталистским правителям» Саудовской Аравии. Наиболее ярко, как писала этот эксперт, это проявляло себя в Сирии, где «саудовцы и катарцы действуют в союзе с НАТО»⁶⁸.

7 мая 2012 г. В. Путин вновь стал российским президентом. Внешнеполитический курс, который в российской риторике был назван стремлением «быть лидерами, защищая международное право», и обретал законность, прибегая к ссылкам на «великую историю и культуру» России⁶⁹, обрел новое качественное состояние. Выступая в декабре 2013 г. с посланием Федеральному собранию,

президент квалифицировал ближневосточную ситуацию времени после «арабской весны», используя термины «регресс», «варварство» и «большая кровь». Не называя виновников этой ситуации, но говоря о российском противостоянии «праву силы, кулачному праву», В. Путин вновь имел в виду систему «однополярности», поддерживаемую, как это вытекало из его слов, Соединенными Штатами и их союзниками.

Российские и саудовские внешнеполитические приоритеты в зонах конфликтного взаимодействия обеих стран вновь размежевывались. Вспоминая о российско-американской договоренности в связи с ликвидацией сирийского химического оружия, российский президент подчеркивал, что позиция защиты «фундаментальных норм международного права» исключила «внешнее военное вмешательство в сирийские дела». Считая необходимым содействовать «налаживанию общесирийского политического процесса», он видел его естественным участником режим Башара Асада и требовал опоры на «исключительно политические средства» при урегулировании положения в Сирии. Говоря же об Иране, В. Путин делал акцент на том, что задача переговоров по иранской ядерной программе – «терпеливый поиск широкого решения, гарантирующего неотъемлемые права Ирана на развитие мирной ядерной энергетики и безопасность». Эти утверждения кардинально расходились с саудовской оценкой и положения в Сирии, и роли Ирана в ближневосточном региональном пространстве.

Инициативы саудовского руководства, направленные на урегулирование расхождений с Россией по ключевым вопросам «постреволюционной» эволюции в арабском мире, не встречали ответного понимания (но квалифицировались как «угрозы» России). Состоявшаяся 31 июля 2013 г. встреча (в то время) генерального директора саудовского Управления общей разведки принца Бандара бен Султана и В. Путина интерпретировалась российской прессой как неудачная попытка «заключения оружейной

сделки» в «обмен на ослабление российской военной и дипломатической поддержки» Б. Асада⁷⁰, а его же встреча с российским президентом 8 декабря 2013 г. – как «ультиматум» России, выразивший себя в террористических акциях в Волгограде в конце того же месяца⁷¹. В свою очередь, распространенное 12 июля 2012 г. российским министерством иностранных дел заявление уполномоченного по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константина Долгова в связи с арестом в Восточной провинции шейха Нимра ан-Нимра, выступавшего (как считали саудовские власти) в роли «подстрекателя» происходивших там в 2011 г. шиитских волнений, и содержащее в этом заявлении требование «гарантированного обеспечения прав человека»⁷², вызвало жесткую негативную реакцию саудовской стороны.

Это не означало, вместе с тем, что российско-саудовское взаимодействие лишалось точек соприкосновения. Принятая в феврале 2013 г. новая Концепция внешней политики Российской Федерации подчеркивала стремление российской стороны вносить «вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки», содействовать «достижению на международно признанной основе всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта», «включая создание независимого палестинского государства», как и становлению на Ближнем Востоке «зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки». Не называя Саудовскую Аравию в числе приоритетов российской ближневосточной политики (но, при этом, требуя «диалога» по иранской ядерной программе), новая Концепция провозглашала стремление России расширять «взаимодействия с государствами исламского мира», опираясь на ОИС, контакты с ЛАГ и ССАГЗ, а также «развивать двусторонние отношения с государствами Ближнего и Среднего Востока» (объединяя в единое целое арабский мир и Иран)⁷³.

Точки российско-саудовского политического соприкосновения выглядели не полными – ни Концепция 2013 г.,

ни последующие документы российского министерства иностранных дел не включали, в частности, «арабскую мирную инициативу» в контекст международной законности в связи с урегулированием ближневосточного конфликта. Напротив, линии размежевания обретали все более четкий характер. Россия участвовала в конференции «Женева-2» как сторонник правительственной стороны внутрисирийского конфликта (и активный поборник участия Ирана во встречах в Монтре), заявляя об обязательности участия режима Б. Асада в процессе урегулирования⁷⁴. Официальная Москва никогда не комментировала иранскую поддержку режима официальной сирийской власти, как и не выражала своего неприятия участию «Хизбаллы» во внутрисирийском конфликте. Все эти обстоятельства заставляли саудовское руководство видеть в позиции России едва ли не основную причину «сирийской катастрофы», – 29 марта 2015 г. на заключительном заседании саммита ЛАГ в Шарм-эш-Шейхе С. аль-Фейсал, комментируя послание российского президента участникам саммита, квалифицировал Россию в качестве «основного элемента страданий сирийского народа»⁷⁵.

Поддерживая отношения с ХАМАС, российское руководство возлагало ответственность за складывавшееся вокруг сектора Газа положение (включая израильские акции возмездия) на обе стороны палестино-израильского конфликта в то время, как Саудовская Аравия отталкивалась от идеи «страданий палестинцев». Москва последовательно расширяла контакты с правительством Нури аль-Малики в Ираке, считая, что «подвергающееся испытанию» единство этой страны должно укрепляться не на основе «решений Вашингтона и Лондона», но на пути достижения консенсуса «всех стран региона», включая, естественно, Иран⁷⁶. Саудовская же сторона, в свою очередь, считала необходимым исключить «иранское вмешательство» во внутренние дела «соседней арабской страны».

Заявляя о «беспрецедентности» вызова мировому сообществу со стороны «исламского государства» (в ря-

дах которого, по заявлению директора ФСБ Александра Бортникова, воюет «около 1,7 тысяч граждан России»⁷⁷), Москва считала, что эта террористическая структура несет угрозу России⁷⁸. Вместе с тем, в интервью газете «Аль-Ахрам» в феврале 2015 г., накануне официального визита в Каир В. Путин говорил: «Вынуждены констатировать, что действия, которые сегодня предпринимаются участниками антитеррористической коалиции, ... нелегитимны, так как осуществляются без санкции Совета Безопасности ООН. Если в Ираке борьба с терроризмом идет при сотрудничестве с официальным Багдадом, то в Сирии коалиция отказывается взаимодействовать с законными властями»⁷⁹. Наконец, комментируя в конце марта 2015 г. антихоуситскую операцию «Буря решимости», осуществляемую «арабской коалицией» во главе с Саудовской Аравией, С. Лавров назвал ее опасной «игрой на противостоянии между суннитами и шиитами», считая, что в Йемене «нет другого пути, кроме возобновления переговорного процесса», и выражая надежду, что «страны, вовлеченные в йеменскую ситуацию», пойдут по этому пути⁸⁰.

Российское взаимодействие с ОИС также менялось. Выступая в октябре 2013 г. в Уфе на встрече с главами официальных исламских духовных управлений, В. Путин вновь возвращался к вопросу о «радикальных течениях», «не характерных для российских мусульман», действующих в интересах «ослабления» государства и создания «на российской территории зон управляемых извне конфликтов». Российский президент считал необходимым заявить, что внутри страны ответом российского исламского сообщества на эти действия должны стать их «исторические традиции, партнерские отношения, прежде всего с Русской православной церковью». За пределами же страны – «голос российских мусульманских деятелей должен громче звучать» в «мировом исламском сообществе», что требовало «воссоздания» суверенной «богословской школы», признанной «мусульманскими учеными мира»⁸¹.

Украинский кризис 2014 г., интерпретированный российским истеблишментом как новая «цветная революция» в непосредственной близости от России, вызвал эскалацию антиамериканской и антиевропейской риторики⁸², которая лишь усиливалась после осуществленного в марте того же года включения Крыма в состав России и, как следствие этих действий, введения западных санкций. Отвечая на эти санкции, российский президент подчеркивал, что сокращение экономических связей с Западом подтолкнет Россию к «расширению традиционных связей» со «странами Ближнего Востока»⁸³. Однако в числе этих стран Саудовская Аравия (не поддержавшая санкции против России, введенные ее союзником – Соединенными Штатами и странами Европейского союза) не была названа. Напротив, В. Путин не раз высказывал мысль о возможности антироссийского «заговора», связанного со снижением мировых цен на энергоносители, реализовать который, по его мнению, «может только Саудовская Аравия». Предполагая, однако, что саудовская сторона не пойдет на действия в этом направлении (эта позиция оправдывалась тем, что у России «с Саудовской Аравией очень хорошие отношения»), российский президент, тем не менее, такую возможность полностью не исключал⁸⁴, стремясь не допустить действия в этом направлении, в том числе, и заявив в апреле 2015 г. об отмене запрета на продажу Ирану комплекса ПВО С-300⁸⁵. По словам ведущего саудовского журналиста, это решение «вызвало гнев государств региона»⁸⁶, – речь шла, прежде всего, о негативной реакции Эр-Рияда.

Визит принца Мухаммеда бен Сальмана: новая разрядка в отношениях?

В начале лета 2015 г. российско-саудовские отношения вступили в эпоху, казалось бы, серьезной трансформации, – ее показателем стал совершенный *наследником*

наследника саудовского престола, вторым заместителем Совета министров, министром обороны и главой Совета по экономическим вопросам и развитию (и сыном правящего монарха) принцем Мухаммедом бен Сальманом визит в Россию, где «на полях» Санкт-Петербургского экономического форума 2015 г. прошла его встреча с президентом В. Путиным. Как сообщала саудовская пресса, визит третьей фигуры в рядах властной иерархии королевства был осуществлен «по приглашению российского правительства и на основе личного указания Служителя Двух Благодородных Святынь короля Сальмана бен Абдель Азиза», – цель этого визита определялась как «обсуждение состояния двусторонних отношений и перспектив сотрудничества между двумя странами»⁸⁷.

Возобновление интереса Москвы к контактам с Саудовской Аравией определялось изменением положения России в мире, как и внутренними трудностями, с которыми она сталкивалась в результате продолжения введенного против нее санкционного режима. Вновь возникшая экономическая ситуация заставляла российскую власть вести поиск возможных хозяйственных партнеров за пределами круга западных стран, – Саудовская Аравия, где в январе 2015 г. на престол вступил новый монарх – король Сальман бен Абдель Азиз (углублявший начатый его предшественником курс на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических отношений), вписывалась в число этих партнеров. Обстоятельством, определявшим новый этап российской устремленности к восстановлению связей с Саудовской Аравией, выступала и дававшаяся Москвой оценка действий нынешнего саудовского монарха, как производное от «противоречий» в сфере саудовско-американских отношений, одним из проявлений которых был (позитивно оцененный в Москве) саудовский «нейтралитет» в отношении российско-украинского противостояния (включая и вопрос Крыма) введенных против России экономических санкций. Эта «нейтральная» позиция, хотя и содержала использование

в риторике ОИС «вопроса о правах крымских татар-мусульман», поставленного ее Генеральным секретарем И. Мадани в докладе на состоявшемся в июне 2014 г. в Джидде XLI Совещании министров иностранных дел, лишь связывала «российскую поддержку прав русских на полуострове» и необходимость для России изменить позицию в отношении Косово⁸⁸. Принятый этим Совещанием итоговый документ – Декларация Джидды никак не упоминала о «правах» крымских татар⁸⁹.

Важным подтверждением движения к возобновлению контактов с Саудовской Аравией (и, одновременно, стремления к сужению оставшихся не преодоленными политических разногласий между двумя сторонами) выступала реанимация деятельности Российско-Саудовского Делового совета, по инициативе которого в течение 26–28 мая 2015 г. в Джидде было организовано «роуд-шоу российских регионов и компаний», где (на фоне презентации потенциала отдельных регионов России, включая Татарстан и Крым) обсуждались перспективы двухстороннего экономического взаимодействия, в том числе в сфере сельского хозяйства, производства и переработки нефти, а также возможность введения в России исламского банкинга, опираясь на потенциал входящего в структуру ОИС Исламского банка развития⁹⁰.

Одновременно с проведением «роуд-шоу» Джидду посетил специальный представитель российского президента по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель главы внешнеполитического ведомства Михаил Богданов, который был принят королем Сальманом бен Абдель Азизом, наследным принцем Мухаммедом бен Наефом и новым министром иностранных дел Адилем аль-Джубейром. В ходе встреч с высшими руководителями страны «состоялся развернутый обмен мнениями» в связи с возможностями «расширения взаимовыгодного сотрудничества» обеих сторон в сфере сельского хозяйства, атомной энергетики, инвестиций и нефтяной промышленности. На фоне переговоров об углублении двусторонних

экономических контактов обе стороны обсудили и политические вопросы – «ситуацию в Йемене, Сирии, Ираке и Палестине», урегулирование которых, по мнению обеих сторон, должно осуществляться «на основе принципов международного права, включая соответствующие резолюции» Совета Безопасности. Важное место в переговорах М. Богданова занял и вопрос «консолидации подходов и усилий Москвы и Эр-Рияда» по противодействию «международному терроризму», в первую очередь, «исламскому государству»⁹¹.

Руководствуясь задачей поиска внешнеэкономических партнеров, Россия направляла свои усилия на нахождение точек политического соприкосновения с саудовской стороной. В начале июня 2015 г., принимая в Москве делегацию йеменских хоуситов – Движения Ансар Алла, против которого направлены основные усилия действующей в Йемене и возглавляемой Саудовской Аравией коалиции части стран ССАГЗ, М. Богданов подчеркивал «безальтернативность политико-дипломатического урегулирования кризиса в Йемене», считая необходимым отметить необходимость «возобновления полноценного политического процесса». По мнению российской стороны, речь должна была идти о «созыве межйеменских консультаций в Женеве без предварительных условий»⁹². Российский подход во многом совпадал с саудовской позицией, – еще ранее в Эр-Рияде оценили позицию российской стороны в отношении резолюции Совета Безопасности № 2216, подтвердившей легитимность президента Абд Раббо Мансура Хади, осудившей «односторонние действия хоуситов» и «неприемлемость» этих действий, а также подчеркнувшей важность возобновления внутрийеменского политического диалога на основе «инициативы стран Залива»⁹³. Россия воздержалась при голосовании этой резолюции, что сделало возможным ее принятие⁹⁴.

Каналом восстановления связей с Саудовской Аравией становилась и ОИС. Как отмечал С. Лавров 11 июня 2015 г. в Москве в ходе совместной пресс-конференции

с генеральным секретарем этой организации (саудовцем) Ийядом Мадани, представители руководства ОИС и Исламский банк развития были приглашены (как и страны, входящие в ОИС) на проходившее в середине июня того же года в Казани очередное заседание Международного экономического саммита «Россия – Организация исламского сотрудничества»⁹⁵. Касаясь же политических проблем, обсуждавшихся с И. Мадани, глава российского внешнеполитического ведомства был конкретен – «особое внимание [мы] уделили вопросам, которые сейчас “встают во весь рост” на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в том числе в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии». Из слов С. Лаврова вытекало, что Россия и ОИС считали необходимым «в каждом из этих случаев стимулировать общенациональный диалог» в качестве пути к поиску «решений, компромиссов, общенационального согласия», что во многом совпадало и с саудовской точкой зрения. Упоминание же С. Лавровым «арабской мирной инициативы» как «основы долгосрочного устойчивого решения» палестино-израильского конфликта и арабо-израильского противостояния выглядело в этом контексте как дополнительное доказательство последовательного сближения российской и саудовской точек зрения.

Это относилось и к словам главы российского министерства иностранных дел, ссылавшемся на мнение И. Мадани, о том, что российская сторона не делит «Ирак на суннитов, шиитов, курдов» и стремится к тому, чтобы «весь иракский народ был единым, жил в суверенном, территориально целостном государстве, свободном от террористов и прочих угроз». Кроме того, слова С. Лаврова о необходимости создания «подлинно интернациональной системы» международного взаимодействия в противостоянии террористической угрозе и, в частности, со стороны «Исламского государства» могли интерпретироваться в Эр-Рияде как российская поддержка деятельности созданного в феврале 2005 г. в саудовской столице Международного Антитеррористического центра⁹⁶. Это

было тем более очевидно, поскольку в Москве решительно осудили произошедший 22 мая 2015 г. взрыв в шиитской мечети Эль-Катифа (Восточная провинция), ответственность за который взяло на себя «исламское государство», как и заявили о «решительной поддержке усилий руководства и правоохранительных органов Саудовской Аравии по бескомпромиссному отпору террористам всех мастей»⁹⁷.

17 июня 2015 г. принц Мухаммед бен Сальман прибыл в Санкт-Петербург, где на следующий день встретился с российским президентом. Открывая эту встречу, В. Путин подчеркивал, что между Россией и Саудовской Аравией «на протяжении многих лет складываются добрые отношения», «характером» которых, по словам главы государства, российская сторона «дорожит». Придавая визиту, в первую очередь, экономическое значение, В. Путин считал необходимым подчеркнуть, что между обеими странами «растет товарооборот», пусть пока еще «скромный по абсолютным величинам», но имеющий «хорошую динамику». Вместе с тем, говоря о зависимости двусторонних хозяйственных контактов от степени политического взаимодействия обеих сторон, В. Путин не только подтвердил направленное королю Сальману бен Абдель Азизу приглашение посетить Россию, но и принял предложение посетить с официальным визитом Эр-Рияд, заметив, что он помнит, теплый прием в Саудовской Аравии в ходе его предшествовавшей поездки в эту страну⁹⁸. Тем не менее, в ходе встречи В. Путина с принцем Мухаммедом бен Сальманом российская сторона (как об этом впоследствии говорил С. Лавров) ставила и вопрос о том, «насколько страшна угроза терроризма на Ближнем Востоке и в Северной Африке», преломляя эту проблему через призму событий в Сирии и подчеркивая, что стоит проблема о «выживании арабских государств», а целью «исламского государства» являются «две мусульманские святыни (саудовские Мекка и Медина – Г.К.)»⁹⁹.

Если российские эксперты связывали поездку принца Мухаммеда бен Сальмана с излишне преувеличивавшимся «фактором США» («разочарованием действиями администрации Б. Обамы в регионе»¹⁰⁰) в саудовско-американских отношениях, то саудовские издания, комментируя визит в Санкт-Петербург, лишь в малой степени выделяя его экономический аспект, делали акцент на том, что целью пребывания принца в России и его встречи с российским президентом должно стать «обсуждение важнейших региональных и международных досье – положения в Сирии, Йемене, Ираке и Ливии». Естественно, что при обсуждении этих вопросов были бы затронуты и «действия Ирана в регионе». По словам лондонской «Аль-Хайят», в случае, если итоги санкт-петербургских саудовско-российских переговоров станут успешными (говоря иначе, если российская сторона смягчит свою позицию по Сирии и Йемену, признает легитимными воздушные удары по позициям «Исламского государства» в Ираке и сделает шаг навстречу саудовскому взгляду на Иран), то король Сальман бен Абдель Азиз примет положительное решение в отношении уже направленного ему (после его прихода к власти) президентом В.Путиным приглашения посетить российскую столицу. Все та же «Аль-Хайят» замечала, что потенциальный визит правящего монарха в Россию станет «краеугольным камнем», на котором в дальнейшем может быть построено «плодотворное двустороннее сотрудничество», в том числе и в военной сфере¹⁰¹.

В ходе визита принца Мухаммеда бен Сальмана этот вывод обрел определенные очертания, – как сообщал 21 июня 2015 г. саудовский спутниковый телевизионный канал «Аль-Арабийя», Российский фонд прямых инвестиций и контролируемый саудовским министерством финансов Фонд общественных капиталовложений достигли соглашения о намерениях, предполагающего, что ведущая саудовская финансовая структура инвестирует в российскую экономику 10 млрд. американских долларов¹⁰². В нача-

ле июля того же года это сообщение было подтверждено и российской прессой¹⁰³.

Визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург увенчался несомненным успехом, – в присутствии российского президента главы российских и саудовских министерств и ведомств подписали шесть соглашений и меморандумов о сотрудничестве – Соглашение о мирном использовании ядерной энергии, Меморандум о совместных намерениях в области космоса, Меморандуме о совместных намерениях в области строительства (предполагающем создание совместных саудовско-российских компаний, осуществляющих жилищное и инфраструктурное строительство), Меморандум о порядке придания эффективности совместной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, Программу сотрудничества в сфере энергетики и, наконец, Программу совместного взаимодействия в сфере инвестиций¹⁰⁴.

Программа пребывания саудовского *наследника* престола в Санкт-Петербурге включала встречи с главой СМР муфтием Равилем Гайнутдином и главами двух «мусульманских» регионов – президентом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым и главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым. Первая встреча была посвящена обсуждению вопросов, связанных с религиозной жизнью российских мусульман, – Р. Гайнутдин говорил об «усилиях королевской семьи и народа Саудовской Аравии, девять десятилетий стоящих на защите интересов мусульман во всем мире», пригласив принца на состоявшееся 23 сентября 2015 г. открытие Соборной мечети в Москве¹⁰⁵. Встречи же с главами региональной исполнительной власти касались экономических отношений (в первую очередь, саудовской инвестиционной деятельности) обеих автономий с саудовской стороной¹⁰⁶. В случае Чечни речь шла и о более конкретных обстоятельствах – по сообщению пресс-службы Р. Кадырова, принц Мухаммед бен Сальман заявил о «готовности» саудовского руководства «направить в Чеченскую Республику специали-

стов для определения проектов, в которых может принять участи саудовский бизнес». Соответствующие рекомендации предполагалось представить специально созданной саудовско-чеченской «совместной рабочей комиссией», – глава Чечни «получил от принца приглашение» посетить Саудовскую Аравию «с дружеским визитом»¹⁰⁷. Реанимируя политические связи с Россией, экономически и культурно Саудовская Аравия ориентировалась на мусульманское сообщество страны и те ее регионы, в демографической структуре которых присутствовала значимая доля приверженцев исламского вероучения. Ислам продолжал играть роль фактора, способного обеспечить долговременное российско-саудовское взаимодействие.

Все же, сближение с Россией – элемент более широкого процесса диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей Саудовской Аравии. Это сближение (возобновленное в трудное для России время) было окрашено в тона политики, призванной добиться реализации саудовских региональных интересов. Продемонстрировав готовность к серьезным экономическим контактам и предоставив российской стороне возможность стать игроком на саудовском рынке, при условии, что российская сторона проявит для этого максимум заинтересованности и усилий, как и выразив желание инвестиционно содействовать подъему экономики России, Саудовская Аравия стремилась использовать экономические рычаги для воздействия на российский курс в пространстве Ближнего Востока и арабского мира (вопрос Сирии и будущего президента Б. Асада выглядел здесь основным) ради его последовательной трансформации. Россия при этом не становилась (и не могла на это претендовать) ведущим внешнеэкономическим партнером саудовской стороны либо ее безусловным стратегическим союзником в ущерб хозяйственным, военно-техническим или политическим контактам, связывающим Саудовскую Аравию с Соединенными Штатами, государствами Европейского союза, Китаем, Японией,

Индией, или африканскими и латиноамериканскими странами.

Откликаясь на итоги визита принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург, эксперт Российского совета по международным делам приветствовал «развитие двусторонних торгово-экономических отношений» в качестве основы для «снятия напряженности между государствами». Однако он же считал необходимым подчеркнуть: «Но стоит ли идти на уступки по Башару Асаду в обмен на пока неподкрепленные контрактами обещания Эр-Рияда?». Далее он делал не оставляющий сомнений вывод: «России нельзя торопиться с принятием такого решения». По мнению этого эксперта, «безоговорочные уступки Саудовской Аравии, будь то по Башару Асаду сейчас, а в перспективе и по иранскому и по йеменскому вопросам ... окажут негативное влияние на двусторонние отношения с лояльными России странами Ближнего и Среднего Востока»¹⁰⁸.

3–4 сентября 2015 г. состоялся официальный визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Вашингтон, – это был первая зарубежная поездка правящего монарха после его прихода к власти. Итогом состоявшегося в американской столице «исторического саммита», объединившего глав двух государств, стало достижение согласия по важнейшим вопросам региональной и двусторонней повестки дня. Принятое по результатам переговоров короля и президента Б. Обамы Совместное саудовско-американское коммюнике провозглашало Иран и «Исламское государство» основными «источниками» региональной нестабильности, – американская сторона солидаризировалась с саудовской позицией по Йемену, Сирии, важности «арабской мирной инициативы», положению в Ираке. Обе стороны подтвердили свою заинтересованность в разработке «программы и механизмов стратегического партнерства XXI века»¹⁰⁹. Комментируя саудовско-американские переговоры, главный редактор ведущей арабоязычной газеты мира «Аш-Шарк Аль-Аусат»

подчеркивал: «Эр-Рияд и Вашингтон во многом расходились. Их позиции в отношении многих основополагающих проблем были различны, но, тем не менее, сегодня можно не сомневаться в том, что связывающее их историческое стратегическое партнерство не сметено ветром перемен либо заменено союзом с другими столицами»¹¹⁰.

Развитие событий в этом направлении имело естественный и оправданный итог, – Россия и Саудовская Аравия не придали подписанным в ходе визита принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург соглашениям черты реальности. Эти соглашения остались «декларациями о намерениях». Важнейшая причина складывающегося положения заключалась в оказавшихся непреодолимыми разногласиях обеих сторон в связи с ситуацией в Сирии и ролью Ирана в регионе. Наличие этих разногласий было признано С. Лавровым на состоявшейся 11 августа 2015 г. совместной с его саудовским коллегой А. аль-Джубейром пресс-конференции в Москве, где речь шла, в том числе, о возможности создания предложенной В. Путиным широкой «региональной коалиции по борьбе с терроризмом», включающей Иран и официальный сирийский режим¹¹¹.

Откликаясь на дальнейшее развитие идеи этой «региональной коалиции», высказанное российским президентом 4 сентября 2015 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, говорившим о продолжении «политических усилий» в направлении ее реализации¹¹², саудовская пресса подчеркивала, что настоящей целью выдвинутой В. Путиным идеи является попытка России «заполнить [региональный] вакуум, образовавшийся как итог прежней американской политики», используя положение в Сирии и сохраняющуюся опасность «Исламского государства». В этой связи, один из ведущих саудовских журналистов отмечал «большую важность визита короля Сальмана в Вашингтон и проведение им серьезного саммита с президентом Обамой»¹¹³. Говоря же в ходе проходившей 4 сентября 2015 г. в Вашингтоне пресс-коферен-

ции по итогам визита короля Сальмана бен Абдель Азиза о поставках российского вооружения сирийскому режиму, глава саудовского внешнеполитического ведомства солидаризировался с точкой зрения, выраженной по этому поводу его коллегой – американским государственным секретарем: «Российская военная помощь ... станет серьезной угрозой»¹¹⁴.

11 октября 2015 г. уже после начала оправдывавшихся необходимостью борьбы с «Исламским государством» ударов российских военно-космических сил по сирийской территории, состоялся второй и (на этот раз) кратковременный визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Россию. Его встреча с российским президентом в Сочи не стала, вместе с тем, сколько-либо серьезным прорывом в сфере российско-саудовских отношений. Свидетельством этому стали посвященные этому визиту публикации саудовской прессы.

Сообщая 13 октября 2015 г. о визите в Сочи, «Аш-Шарк Аль-Аусат» выносила в заглавие своего репортажа слова принца: «Мы обеспокоены вашим вмешательством в Сирии». Это было более чем откровенное выражение позиции, тем более что далее, в ходе беседы с президентом В. Путиным третий человек в саудовской властной иерархии подчеркивал, что путь к этому «мирному решению неизбежно проходит через реализацию положений протокола “Женева-1”, на основе которого можно будет положить конец не только страданиям сирийцев, но и не допустить расползания дестабилизации по региону Ближнего Востока». Со своей стороны, как подчеркивала все та же газета, глава саудовского внешнеполитического ведомства А. аль-Джубейр считал необходимым заявить своему российскому коллеге С. Лаврову, что «Сирия будет развивать взаимодействие с Россией, базируясь на положениях протокола “Женева-1”»¹¹⁵.

Ни Россия, ни Саудовская Аравия не изменили своего взгляда на внутрисирийский конфликт. Российская сторона (апеллируя к Декларации «Женева-1») считала, что

решение о пребывании Б. Асада у власти не должны решать «внешние силы», но лишь «сирийский народ», как и настаивала на создании широкой антитеррористической коалиции, включающей Иран и официальный сирийский режим. Как подчеркивал 11 октября 2015 г. в Сочи на совместной пресс-конференции с А. аль-Джубейром С. Лавров, «мы в принципе выступаем за то, чтобы все внешние «игроки», имеющие влияние на те или иные политические силы САР, способствовали скорейшему запуску общесирийского диалога»¹¹⁶. Саудовская же сторона, все также обращаясь к положениям протокола «Женева-1», интерпретировала их как обязательность ухода главы сирийского государства и создание полномочного переходного правительства при сохранении существующих гражданских и военных государственных институтов. Касаясь же вопроса Б. Асада, С. Лавров в ходе все той же пресс-конференции ограничился кратким замечанием: «Конечно, мы знаем о позиции Саудовской Аравии, и сегодня наши партнеры ее подтвердили, а мы – подтвердили свою, и вы тоже ее знаете»¹¹⁷. В этой связи заявление саудовского коллеги С. Лаврова было не менее откровенно: «Саудовская Аравия продолжит действовать ... в рамках переходного процесса ради отстранения Башара Асада от власти»¹¹⁸. Более того, это заявление основывалось на словах *наследника престола*, сказанных во время сочинской встречи: «Саудовская Аравия привержена идее ухода Башара Асада и поддержки умеренной сирийской оппозиции»¹¹⁹.

Визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Сочи привел к важному для саудовской стороны решению ее российского партнера, – как заявлял С. Лавров: «С нашей стороны была выражена готовность, нашедшая встречный отклик у преемника наследного принца, к тому, чтобы наши военные и представители специальных служб стали максимально тесно сотрудничать, чтобы не было никаких сомнений в том, что цели, по которым работает российская авиация, – это «Исламское государство», «Джабхат

ан-нусра» и прочие террористические группировки»¹²⁰. Еще раньше, выступая 1 октября 2015 г. на пресс-конференции в Нью-Йорке, глава российского внешнеполитического ведомства заявил (что было положительно отмечено в Эр-Рияде), что Россия не только не считает «сирийскую освободительную армию (Сирийскую свободную армию – Г.К.) террористической группировкой», но и полагает, что «эта армия должна являться частью политического процесса наряду с другими вооруженными группировками, в состав которых входят представители сирийской патриотической оппозиции», что «абсолютно необходимо для устойчивого политического процесса»¹²¹.

Делая заявление перед началом совместной с А. аль-Джубейром пресс-конференции в Сочи и говоря об объединяющих Россию и Саудовскую Аравию мотивах действий на сирийском поле, С. Лавров подчеркивал: «Особое внимание (в ходе переговоров В. Путина и принца Мухаммеда бен Сальмана – Г.К.) было уделено обсуждению ситуации в Сирии и вокруг нее. Уже не один год мы тесно сотрудничаем с Саудовской Аравией по проблемам сирийского кризиса. Было подтверждено полное совпадение целей, которые Саудовская Аравия и Российская Федерация преследуют в отношении Сирии: прежде всего, это недопущение того, чтобы в Сирии восторжествовал террористический халифат. ... Вторая цель, которую мы разделяем с нашими саудовскими друзьями, — обеспечить, чтобы в Сирии восторжествовало национальное примирение, как можно скорее произошел политический процесс, который в конечном итоге приведет к тому, чтобы все сирийцы, независимо от их этнической, конфессиональной принадлежности, чувствовали себя хозяевами своей страны»¹²².

Однако прокламируемая обеими сторонами общая устремленность к решению внутрисирийского конфликта ни в коей мере не исключала существующих между ними серьезных противоречий, связанных с методами его решения, что исключило упоминание о вероятности визита

короля Сальмана бен Абдель Азиза в Россию, как и визита В. Путина в Саудовскую Аравию, в официальных документах сочинской встречи. Саудовские же заявления о возможности и необходимости продолжения контактов с Россией, делавшиеся после завершения визита принца Мухаммеда бен Сальмана в Сочи, отталкивались от выражавшегося Эр-Риядом «глубокого разочарования» в связи с «ущербностью» американских и европейских действий на сирийском направлении, которая, в конечном итоге, определила российскую военную вовлеченность в конфликт. Выражая эту точку зрения, информированный саудовский журналист в опубликованной им 11 сентября 2015 г. в «Аш-Шарк Аль-Аусат» статье «Противостояние русским запоздало и трудно» писал, оценивая действия российских военно-космических войск: «Воина разрастается. Она перестает быть контролируемой, став источником опасности для региона и всего мира»¹²³.

Россия и Саудовская Аравия после 30 сентября 2015 г.

30 сентября 2015 г., получив согласие Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации на «использование российских военно-воздушных сил для поддержки правительственных войск Сирийской Арабской Республики в борьбе против ИГИЛ»¹²⁴, президент В. Путин объявил о начале российской военной операции в Сирии.

Эта операция оправдывалась, как об этом говорил В. Путин, принимая 21 октября 2015 г. в Москве президента Б. Асада, тем, что она вытекала из «просьбы» законного правительства страны, а также из опасности распространения деятельности «Исламского государства» на Россию: «На территории Сирии, – подчеркивал российский президент, – с оружием в руках против правительственных войск воюют и выходцы из республик бывшего Советско-

го Союза. ... Мы ... не можем допустить, чтобы они, получив боевой опыт и пройдя идеологическую обработку, появились на территории России»¹²⁵.

Ведущей причиной принятого российским руководством решения вновь стала идея недопустимости продвижения «модели одностороннего доминирования», важнейшим проявлением которой стала ближневосточная ситуация после «арабской весны». Глава российского государства подчеркивал, что «попытки извне грубо перестроить регион», полный «десятилетиями ... копившихся межэтнических, религиозных, политических противоречий», стали «спичкой, которая привела к ... разрушению государственности, всплеску терроризма и ... росту рисков для всего мира». Требуя прекратить «делить террористов на умеренных и неумеренных» и обвиняя Соединенные Штаты в том, что их «усилия», как и «усилия» их «союзников по борьбе с “Исламским государством”» (одним из которых была Саудовская Аравия) не дали «внятных результатов», В. Путин утверждал, что провал проамериканской международной коалиции определялся тем, что ее участники использовали «часть террористов» для того, чтобы «расставлять фигуры на ближневосточной доске в своих интересах»¹²⁶. Эта риторика лишь усиливалась после произошедшей 31 октября 2015 г. катастрофы российского самолета над Синайским полуостровом и террористических акций в Париже 16 ноября того же года.

Российская военная операция на сирийской территории была поддержана всеми основными политическими силами, РПЦ и официальными муфтиятами (вновь, как и в начале 1990-х гг., маргинализируя «либеральные» группы и объединения). По словам Патриарха Кирилла, «Русская православная церковь неоднократно обращалась к руководству России ... с призывом не оставаться безучастными к страданиям мирного населения Сирии». Далее он продолжал: «Российская Федерация приняла ответственное решение об использовании вооруженных сил для защиты сирийского народа от бед, приносимых

произволом террористов. Мы связываем с этим решением приближение мира и справедливости на этой древней земле»¹²⁷. Точка зрения ЦДУМ была выражена не менее эксплицитно: «Мы заявляем, – отмечалось в Заявлении этого муфтията, – о своей решительной поддержке ... Президенту В.В. Путину и его соратникам в высших властных структурах России. ... Мы ... призываем всех верующих и честных людей встать с нами вместе в единый ряд борьбы против террористической чумы»¹²⁸.

Обращение главы СМР (в большей мере связанного с мировым исламским сообществом) Р. Гайнутдина было более нюансировано: «Со всем вниманием и ответственностью воспринимая обращение властей Сирийской Арабской Республики ... к руководству Российской Федерации об оказании военно-технической помощи в борьбе с насилием и терроризмом ... и в связи с согласием Совета Федерации ... РФ допустить использование Вооруженных сил РФ за пределами страны в борьбе против ДАИШ ..., обращаюсь к моим единоверцам, братьям и сестрам, моим согражданам, а также к мусульманам во всем мире с призывом правильно оценить принятое Президентом России В.В. Путиным решение и не политизировать сложный вопрос противодействия террористическим угрозам, нависшим над Сирией, Россией и многими другими государствами, а также не переводить проблему в плоскость внутриисламских разногласий»¹²⁹. Считая необходимым и после начала российской военной операции поддерживать, в частности, отношения с осудившим «российское военное вмешательство» Всемирным советом мусульманских ученых – ВСМУ (расположенным в столице Катара), СМР распространил заявление этой организации (в состав которого входят главы некоторых региональных подразделений Совета муфтиев), подчеркивавшее, что ВСМУ возражает «против вмешательства извне во внутрисирийское противостояние, включая военное»¹³⁰.

Вместе с тем, с течением времени позиция СМР эволюционировала, – выступая 20 ноября 2015 г. на совместном заседании обеих палат Федерального собрания, Р. Гайнутдин призвал «российских мусульман», как и «всех ... сограждан», «сплотиться вокруг ... национального лидера ... Путина, быть едиными в полном неприятии терроризма и экстремизма» и «укреплять свое Отечество»¹³¹.

Ухудшение российско-турецких отношений после 24 ноября 2015 г., когда была осуществлена военная акция турецкой авиации против российского бомбардировщика в Сирии, осложнило положение СМР. Попытка Совета муфтиев выступить в качестве посредника в вопросе об урегулировании этих отношений¹³² осталась без какого-либо продолжения, несмотря на то, что, как считали близкие к этому муфтияту эксперты, глава СМР «сделал для внешней политики Москвы в мусульманском мире едва ли не больше, чем все чиновники самых разных ведомств», что относилось, в первую очередь, к «турецкому и саудовскому направлению»¹³³. Однако российское руководство возвращалось (рост влияния «Исламского государства» был для этого удобным предлогом) к идее, высказанной В. Путиным в октябре 2013 г. на уфимской встрече с главами официальных исламских духовных управлений, о необходимости «воссоздания» самостоятельной российской мусульманской «богословской школы».

Выступая на открытии 23 сентября 2015 г. на открытии московской Соборной мечети (реконструированной при опоре и на значительную внешнюю спонсорскую помощь), российский президент вновь говорил о том, что «государство будет ... помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования». Используя в этой связи аргументы о «гуманистических ценностях» российской «мусульманской уммы» и пресечении «попыток навязать чуждые ... мировоззренческие уста-

новки» лишь повторяли сказанное двумя годами ранее в Башкортостане¹³⁴. Роль российского ислама как важного фактора российского взаимодействия с мусульманским миром, включая, естественно, и Саудовскую Аравию, подвергалась существенному сужению, – тенденция ограничения деятельности СМР внутрироссийской задачей сдерживания роста радикальных настроений в отечественном мусульманском сообществе проявляла себя в более значительной мере.

Вместе с тем, по мере движения к российско-американскому взаимодействию в отношении внутрисирийского урегулирования, идея угрозы «Иламского государства» для России постепенно вытесняла в российском политическом дискурсе противостояние «модели одностороннего доминирования». Российский президент все чаще подчеркивал, что проведение самостоятельной военной операции в Сирии не означало, что Москва отказывается от инициативы создания широкой «региональной коалиции по борьбе с терроризмом», Эта мысль (хотя еще широко сопрягавшаяся с резко негативной оценкой курса Запада в регионе Ближнего Востока¹³⁵) высказывалась В. Путиным не только в конце сентября 2015 г. в выступлении на LXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹³⁶, но и позже, в начале декабря 2015 г., в Послании президента Федеральному Собранию, когда он подчеркивал, что «особая опасность» для России и мира «исходит из боевиков, которые сконцентрировались в Сирии», что, по его словам, как и в годы «борьбы с нацизмом», требовало «создать один мощный кулак, единый антитеррористический фронт, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций». Это означало, как он заявлял: «Никакого убежища террористам. Никаких двойных стандартов. Никаких контактов с любыми террористическими организациями. Никаких попыток использовать их в своих целях. Никакого преступного, кровавого бизнеса с террористами»¹³⁷.

Саудовская позиция в связи с развитием событий после начала российской военной операции в Сирии продолжала оставаться во многом противоположной российским оценкам. 2 октября 2015 г., выступая в Совете Безопасности, постоянный представитель Саудовской Аравии при ООН Абдалла бен Яхья аль-Муаллими не только потребовал «немедленного прекращения российского вмешательства», но и заявил, что «государство, заявившее ..., что оно, наконец, включилось в борьбу с террористами из ИГИЛ, не может претендовать на это, поскольку оно одновременно поддерживает терроризм сирийского режима и его союзников – иностранных боевиков-террористов»¹³⁸. Даже если в дальнейшем саудовская сторона более не выдвигала требования к своему российскому партнеру о «прекращении вмешательства», ее позиция в отношении путей урегулирования проблем, связанных с внутрисирийским кризисом, едва ли претерпевала сколько-либо коренные изменения. Выступая 3 октября 2015 г. на LXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава саудовского внешнеполитического ведомства А. аль-Джубейр подчеркивал, что «режим Башара Асада» несет ответственность за «убийства, разрушения и изгнание сирийского народа».

Он ставил вопрос о «политическом решении, основанном на Декларации Женева-1, предусматривающей единство сирийской территории, сохранение военных и гражданских институтов сирийского государства, создание переходного органа власти, где не будет места Башару Асаду и всем, кто запятнал свои руки в крови сирийского народа»¹³⁹. Продолжая видеть в «поддерживаемом Россией» Иране основную причину внутрисирийского конфликта, саудовская сторона устами своего министра иностранных дел продолжала настаивать на том, что «Иран – не только сражающаяся сторона, но также и сторона, оккупирующая арабскую землю в Сирии, что делает затруднительной для него возмож-

ность сыграть [позитивную] роль [во внутрисирийском урегулировании]»¹⁴⁰.

Саудовская Аравия считала необходимым оказывать финансовое и логистическое содействие, а также помощь поставками вооружения «умеренной» сирийской оппозиции (включая и часть исламистских вооруженных формирований) в условиях продолжения российской военной операции. Эта позиция оправдывалась ею желанием предотвратить «появление Франкенштейна, которым могут стать многочисленные джихадисты, способные после начала российских ударов по территории Сирии отправиться в эту страну, чтобы содействовать ее освобождению от русских, иранцев и “Хизбаллы”», а также стремлением не допустить «повторения опыта Грозного» в Сирии, когда речь могла идти о «тотальном разрушении населенных пунктов, где базируется умеренная оппозиция». Это означало, что Эр-Рияд вступал с Россией в «диалог на земле», как писал обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат». Речь шла о «поставках противотанковых ракет и боеприпасов», чтобы «положить конец продвижению войск Асада, а также продвижению проиранских шиитских вооруженных формирований». Как подчеркивал этот обозреватель, «диалог на земле откровенен – его цель не дать русским и Асаду возможности изменить положение на земле». По его словам, этот диалог «военный», и он важнее, чем «диалог в зале для переговоров»¹⁴¹.

Различия в подходах обеих сторон в отношении положения в Сирии не исключали, однако, стремления Саудовской Аравии к сохранению (и даже – улучшению) торгово-экономических связей с российской стороной, как и поддержанию позитивных политических контактов, не связанных с внутрисирийским конфликтом. В опубликованном 1 октября 2015 г. интервью газете «Аль-Хайят» А. аль-Джубейр считал необходимым заявить: «Экономический и политический вес Королевства Саудовская Аравия и России не соответствует уровню отношений

между обеими странами. Должно быть стремление к укреплению этих отношений во всех сферах». Развивая далее эту мысль, он подчеркивал: «Конечно, есть различия в позициях по определенным вопросам. Но это не значит, что мы не стремимся улучшить отношения с Россией. Существуют разногласия или расхождения между нами по вопросу Сирии. Но мы согласны в том, что ислам в России должен поддерживаться. Вероятно, есть расхождения во взглядах в отношении поставок оружия Ирану. Но у нас есть общие интересы, связанные с нефтью и сельским хозяйством. У нас с Россией есть понимание в отношении палестинского вопроса. Есть многое, на чем можно строить отношения»¹⁴².

Устремленность к сглаживанию противоречий с саудовской стороной демонстрировало и российское Министерство иностранных дел. Комментируя в начале октября 2015 г. газете «Аль-Хайят» российско-саудовские двусторонние отношения, посол России в Эр-Рияде Олег Озеров указывал на то, что факт присутствия в демографическом составе российского населения «от 15 до 20 млн. мусульман» превращает страну «в почти мусульманское государство, когда самая большая в Европе мечеть находится в России, а не в Париже или Лондоне». Обе страны, как он подчеркивал, объединены тем, что «ИГИЛ несет опасность России и Саудовской Аравии». Говоря же о том, что между обеими сторонами «развиваются постоянные контакты», а «президент Владимир Путин и король Сальман бен Абдель Азиз связываются между собой», О. Озеров подчеркивал, что «90% разногласий между нами – надуманны»¹⁴³.

Саудовская Аравия, вместе с тем, последовательно отбрасывала российское предложение о создании «широкой международной коалиции» противостояния «исламскому государству», включая Иран и режим Б. Асада. Откликаясь на состоявшийся 20 октября 2015 г. визит сирийского президента в Москву¹⁴⁴ и сказанные в ходе встречи с ним слова В. Путина о том, что в отношении

урегулирования ... в Сирии «решающее слово ... должно оставаться исключительно за сирийским народом»¹⁴⁵, ведущий обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал: «Необходимо продолжить поддержку Сирийской свободной армии с тем, чтобы достичь необходимых целей, важнейшей среди которых выступает гарантия ухода Асада в четко обозначенное время»¹⁴⁶. Выступая же 29 сентября 2015 г. на прошедшей на полях LXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН Международной встрече по вопросам сирийского кризиса (объединившей участников действующей против «Исламского государства» коалиции под руководством Соединенных Штатов), А. аль-Джубейр был откровенен: «Башар Асад, – заявлял он, – должен либо уйти, либо он столкнется с военным выбором». Не менее резкой была и его позиция по Ирану (выраженная в форме комментария телевизионному каналу «Аль-Арабийя» к выступлению иранского президента Хасана Роухани на LXX сессии Генеральной Ассамблеи): «В том, что касается Сирии, то, если бы не Иран, то там не было бы разрушений, пепелищ и убийств, свидетелями которых мы сегодня являемся»¹⁴⁷.

Саудовская пресса была более откровенна, широко комментируя и выступление президента В.В. Путина на LXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и суть российской позиции в отношении Сирии, а также открытия в Багдаде российско-иракско-иранско-сирийского координационного центра. Один из ведущих обозревателей «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал в этой связи, что «российское военное вмешательство» в Сирии связано с тем, что «русские почувствовали, что режим Башара Асада близок к крушению, как и то, что Иран не смог его защитить». Отсюда вытекало, что «они (русские – Г.К.) сочли необходимым вмешаться под предлогом борьбы с терроризмом». Этот предлог, замечал этот обозреватель, «прекрасный повод для Москвы покончить с изоляцией и навязать себя в качестве реального игрока, якобы, име-

ющего ключи к региону, включая Сирию, Ирак и арабско-израильское противостояние»¹⁴⁸. Обращаясь же к созданию в Багдаде координационного центра, коллега цитировавшегося выше обозревателя той же газеты писал, что речь идет об открытии «офиса российской разведки в сердце иракской столицы», а вовсе не о «борьбе с ИГИЛ», что означало, что «русские вошли не только в Сирию, но и в Ирак», бросив «вызов американцам»¹⁴⁹.

Действия России в Сирии квалифицировались (отталкиваясь от собственной интерпретации преданного гласности 30 сентября 2015 г. заявления председателя Русской православной церкви Патриарха Кирилла¹⁵⁰) частью среднего и низшего звена саудовского религиозного истеблишмента (опубликовавшего Заявление 52 богословов) как «русский православный крестовый поход» против «мусульманской Сирии», став поводом для призыва к сирийской «умеренной оппозиции» объявить «джихад» России¹⁵¹. В свою очередь, российские авторы, вне зависимости от их политических предпочтений и причин, определявших их выводы, связанные с дальнейшими действиями президента В. Путина в ближневосточном региональном масштабе, после катастрофы российского пассажирского самолета над Синайским полуостровом могли говорить о возможности «нанесения российскими военными удара по Саудовской Аравии»¹⁵² либо подчеркивать прямую саудовскую (как и катарскую) ответственность за антироссийскую террористическую акцию как итога жизни страны «в стиле работорговли и рабовладения»¹⁵³. В дальнейшем же, после того, как турецкие военные самолеты сбили российский бомбардировщик, близкий к саудовскому политическому руководству журналист, основываясь на этих публикациях, писал, «несмотря на все визиты, встречи и улыбки, мы почти в состоянии войны с русскими», добавляя, при этом, «мы – в обороне, мы не можем уйти с сирийского поля, потому что революция в Сирии неизбежно защищает и нашу страну»¹⁵⁴.

16 ноября 2015 г. на полях саммита G20 в турецкой Анталье состоялась встреча короля Сальмана бен Абдель Азиза с президентом РФ Владимиром Путиным. Сделанные в этой связи официальные заявления обеих сторон были сухи. Саудовское агентство новостей сообщило, что «Служитель Двух Благородных Святынь король Сальман бен Абдель Азиз ... встретился с Его Превосходительством президентом Российской Федерации Владимиром Путиным», подчеркивая, что обе стороны «обсудили состояние двусторонних отношений и возможности сотрудничества между двумя странами, как и развитие событий в регионе [Ближнего Востока]»¹⁵⁵. В свою очередь, российское сообщение отмечало: «Президент России ... встретился с королем Саудовской Аравии Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом. На повестке дня переговоров – сирийское урегулирование, двусторонние отношения Российской Федерации и Саудовской Аравии»¹⁵⁶. Оба государства были, тем не менее, едины в своем неприятии терроризма и необходимости бескомпромиссной борьбы с «исламским государством». Если В. Путин, находясь в Анталье, говорил о необходимости «наладить конкретную работу по предотвращению террористических актов, предупреждению и борьбе с терроризмом в глобальном масштабе»¹⁵⁷, то король Сальман бен Абдель Азиз говорил об угрожающей миру «гадине терроризма» и о сотрудничестве своей страны «со всем международным сообществом в деле противостояния феномену терроризма»¹⁵⁸.

Все же взаимная сухость была оправдана – действия Эр-Рияда на встрече G20, связанные с решением вопроса урегулирования сирийского кризиса и борьбы с «Исламским государством», не предполагали координации усилий с Россией, ограничиваясь контактами с Турцией, европейскими державами и Соединенными Штатами. Обе стороны по-разному расставляли и акценты в опубликованных сообщениях. Если российская сторона делала ударение на «сирийском урегулировании», то сау-

довская – на экономическом сотрудничестве, продолжая уже начатый летним визитом принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург курс. При этом саудовское руководство отбрасывало требования религиозных радикалов, настаивавших на объявлении антироссийского «джихада». Дезавуируя Заявление 52 богословов, информированный саудовский журналист писал: «Конечно, большинство саудовцев и ... граждан арабских стран возмущено вторжением русских в Сирию, так как это вторжение направлено на поддержку режима Башара Асада. ... Однако подталкивание молодежи к джихаду и сражению с русскими интервентами – опасная тенденция. Если сегодня молодые люди отправятся на войну с русскими, то затем они начнут воевать против своих стран и правительств». Далее цитируемый журналист, напоминая о последствиях «эпохи джихада в Афганистане» для Саудовской Аравии, замечал, что «правом объявления войны ... обладает государство, в исламе же – правитель», – «распространение призывов к войне – открытый вызов законности государственных институтов», как и «открытая помощь преступникам из ИГИЛ, претендующим на то, что они действуют во имя ислама и мусульман»¹⁵⁹.

27–29 ноября 2015 г. в Москве прошла Российско-саудовская выставка-форум инвестиционных и деловых возможностей, организованная Советом саудовских торгово-промышленных палат (осуществившим финансирование ее проведения) и Российско-арабским деловым советом (включая его членскую структуру – Российско-саудовский деловой совет). Сообщая об этом мероприятии, Российско-саудовский деловой совет отмечал, что оно «организовано ... по инициативе Генеральной саудовской инвестиционной организации и Совета торгово-промышленных палат Королевства Саудовская Аравия». В сообщении подчеркивалось, что «в саудовской экспозиции выставки будут представлены все ключевые министерства и ведомства королевства, а также крупней-

шие государственные и частные компании», в российской же — «крупнейшие отечественные экономические операторы государственного и частного сектора экономики». Сообщение Российско-саудовского делового совета отмечало, что саудовская сторона «декларирует серьезную заинтересованность в перспективных проектах, реализуемых на территории РФ», как и подчеркивало, что и перед российскими компаниями открываются «отличные перспективы», связанные с реализуемой в Саудовской Аравии «амбициозной программой инфраструктурного развития»¹⁶⁰.

Открывая Российско-саудовскую выставку-форум, председатель «русской части Совместной межправительственной Российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству», российский министр энергетики Александр Новак говорил о готовности российской стороны «на правительственном уровне рассмотреть и ... устранить препятствия, возникающие на пути расширения торгово-экономических связей». Выступление А. Новака на открытии выставки-форума содержало и важное послание саудовской стороне: «Приглашаю саудовских коллег к инвестированию в российские проекты. Мы будем стараться создавать для этого все необходимые условия. Россия, в свою очередь, готова инвестировать в перспективные проекты на территории Королевства»¹⁶¹. Позиция саудовской стороны выражалась не менее эксплицитно.

24 ноября 2015 г. крупнейшее саудовское издание, специализирующееся на анализе хозяйственных вопросов, газета «Аль-Иктисадийя» писала: «Очевидно, что расхождение точек зрения Эр-Рияда и Москвы по целому ряду проблем региона далеко от того, чтобы негативно влиять на ... экономическое и инвестиционное взаимодействие обеих сторон». Далее цитируемое издание продолжало: «В круг саудовско-русских противоречий входит и вопросы нефти и энергетики,

которые, в свою очередь, нисколько не тормозят общую направленность инициатив, направленных на более плодотворное сотрудничество обеих сторон». Главное, подчеркивала редакционная статья этого издания, состоит в том, что «основой двустороннего сотрудничества должны стать взаимные интересы, что же до политических разногласий, то они либо исчезнут, либо станут менее острыми, лишь бы они не оказывали отрицательного влияния на итоги экономического развития»¹⁶².

В ходе работы Российско-саудовской выставки-форума и были подписаны 12 соглашений о сотрудничестве либо меморандумов о взаимопонимании между саудовскими и российскими компаниями, работающими в сферах здравоохранения, хранения и переработки зерна, нефти и газа, кораблестроения и производства эфирных масел¹⁶³. Однако, оценивая итоги выставки-форума, глава Совета торгово-промышленных палат Саудовской Аравии Абдель Рахман аз-Замиль отмечал, что выставка-форум пока еще только «способ познакомиться обе стороны с условиями инвестиционной деятельности в каждой из них»¹⁶⁴.

Политические разногласия между сторонами (когда Сирия становилась основным полем их проявления) не позволили обоим бизнес-сообществам достигнуть более значимых результатов. В конце декабря 2015 г. политические разногласия сторон были облечены в форму российских экономических претензий, – глава энергетического ведомства обвинил Саудовскую Аравию в «наращивании» добычи нефти и, на этой основе, «дестабилизации ситуации» на мировом рынке углеводородов¹⁶⁵. Публикация же (как и в 2015 г. дефицитного) саудовского бюджета 2016 г.¹⁶⁶, как и сопровождавшее это событие решение Совета министров о введении более высоких тарифов на потребление воды и электроэнергии в жилом секторе, а также повышение Саудовской АРАМКО цен на розничную продажу нефтепродуктов¹⁶⁷, вызвали

к жизни резко негативные по отношению к саудовской стороне комментарии в российской (прежде всего, сетевой) прессе.

Речь шла о том, что «Саудовская Аравия медленно, но верно идет ко дну», а «цены на нефть, которыми саудиты старались обрушить своих конкурентов, обрушили, прежде всего, экономику самой [Саудовской] Аравии».¹⁶⁸ Выдвигая же, в этой связи, сценарии будущего Саудовской Аравии, российские эксперты были пессимистичны: «Она (Саудовская Аравия – Г.К.) продолжает военные операции и в Йемене, и в Сирии, поддерживает различные террористические группировки, на что уходит много денег. ... Если цены на нефть останутся на нынешнем уровне, – замечал один из них, – а страна будет тратить резервы такими же темпами, то они могут подойти к концу уже в 2018 году»¹⁶⁹. Его коллега называл и другие детали будущей катастрофы: «Несмотря на большие резервы и низкую себестоимость нефти ... в монархиях Персидского залива очень высока нестабильность как внутри, так и вокруг их стран. ... В Саудовской Аравии регулярно возникают восстания шиитского меньшинства, которые поддерживает Иран. Это меньшинство живет как раз в районах нефтедобычи. Эр-Рияд ведет войну с Йеменом, который поддерживает тот же Иран и шиитские организации. Кроме того, у них нестабильность на границах. ... У богатых стран Персидского залива, таких, как Саудовская Аравия, ... есть огромные проблемы с приезжими. Местные жители практически не работают, а живут на ренту. ... При сохранении низких цен на нефть или дальнейшем их падении у стран Персидского залива неизбежно возникнут проблемы ... с учетом войны в Йемене. ... В ближайшее время неизбежна массовая миграция из Йемена в Саудовскую Аравию. ... У Эр-Рияда может не получиться сдержать миллионы людей»¹⁷⁰.

Политические разногласия между обеими сторонами проявили себя и после создания «Группы поддержки

Сирии», ставшей итогом встреч министров иностранных дел государств – основных внешних игроков (включение в состав этой «Группы» Ирана стало результатом настойчивости России, чему противостояла саудовская сторона) на поле внутрисирийского конфликта, проведенных 24 октября и 14 ноября в Вене. Обе встречи позволили достичь консенсуса между этими государствами (где ведущую роль играли Россия и Соединенные Штаты) по вопросам урегулирования в Сирии, выразившего себя в появлении Заявления Международной группы поддержки Сирии¹⁷¹. Эти обстоятельства не способствовали, однако, достижению большего понимания между Москвой и Эр-Риядом, что вытекало из того, что обе стороны по-разному понимали положения этого Заявления.

Встречаясь 28 октября 2015 г. в Эр-Рияде со своим британским коллегой, А. аль-Джубейр определял задачу встреч в Вене как достижение «ухода Башара Асада от власти», ставшего, по его словам, «магнитом, притягивающим иностранных боевиков в ряды ИГИЛ»¹⁷². Касаясь же вопроса расширения формата встреч, саудовский министр замечал, что «включение других государств [в обсуждение сирийского вопроса] связано с тем, чтобы проверить намерения этих государств [Ирана, рассматриваемого в Эр-Рияде как «часть проблемы, а не ключ к ее решению», и России] в отношении того, насколько они стремятся к поиску решения сирийского кризиса», добавляя, что это решение связано едва ли не в полной мере «с уходом Башара Асада»: «Мы, – заявлял А. аль-Джубейр, – должны достичь соглашения о том, что должна быть определена дата ухода Асада»¹⁷³. Не отрицая важности достигнутой в Вене договоренности участниц «Группы поддержки Сирии» о проведении сирийско-сирийских переговоров о будущем Сирии, саудовская сторона настаивала на том, что итогом этих переговоров должно стать создание «переходного совета» без сирийского президента и «его клики»¹⁷⁴.

По мнению же России, как после завершения встречи в Вене 14 ноября 2015 г. подчеркивал С. Лавров, целью сирийско-сирийских переговоров должно было стать «своего рода совместное правительство национального единства», отмечая, при этом, что «будущее Сирии будет решать только сирийский народ», что касалось и «судьбы президента Б. Асада и любого другого политика в этой стране»¹⁷⁵. Эта позиция не менялась, – говоря о своей встрече 30 октября 2015 г. в Вене с американским государственным секретарем, российский министр заявлял: «Будущее Сирии будет решать только сирийский народ. Это, безусловно, касается судьбы президента Асада и любого другого политика в этой стране»¹⁷⁶. Выступая же 17 декабря 2015 г. на ежегодной «большой пресс-конференции», глава российского государства был более жесток: «Судьба Президента Сирии. ... Мы никогда не согласимся с тем, что кто-то со стороны, где бы то ни было будет кому бы то ни было навязывать, кто должен где руководить. Это просто абсолютно не укладывается ни в какой-то здравый смысл, ни в международное право. ... Наша позиция ... является принципиальной. Мы считаем, что только сирийский народ должен определить, кто им должен управлять и по каким стандартам, по каким правилам»¹⁷⁷.

Приняв важнейшее положение Заявления Международной группы поддержки Сирии, связанное с необходимостью решения задачи «политического перехода, осуществляемого под руководством и по инициативе сирийцев»¹⁷⁸, Россия и Саудовская Аравия расходились в отношении вопроса о формировании делегации сирийской оппозиции на сирийско-сирийских переговорах, занимая разные позиции и в отношении того, кто в ее рядах может рассматриваться как приверженцы терроризма. Если «Исламское государство» и «Джабхат ан-нусра» оценивались обеими сторонами как бесспорно «террористические», то взгляд на иные группы «умеренной сирийской оппозиции» существенно различался.

Российская сторона могла видеть (по крайней мере, на вербальном уровне) в некоторых поддерживаемых ее саудовским партнером структурах силу, с которой российская военно-космическая группировка в Сирии могла осуществлять сотрудничество в совместном противостоянии «Исламскому государству». Это относилось, в частности, к Свободной сирийской армии (ССА), первоначально не замечавшейся Москвой, но в дальнейшем провозглашенной В. Путиным ведущей вместе с «регулярными войсками» [Б. Асада] «наступательные действия против террористов» и поддерживаемой российской авиационной группой «с воздуха», что предполагало оказание ей помощи «в вооружении, боеприпасах и материальных средствах». Однако если в Эр-Рияде видели в ССА группировку, сражающуюся с вооруженными силами официального режима Дамаска, то в Москве настаивали на возможности и необходимости, как отмечал российский президент 11 декабря 2015 г. в ходе Расширенного заседания коллегии министерства обороны, «объединения усилий как правительственных войск, так и Сирийской свободной армии» как условия ее поддержки со стороны России¹⁷⁹. Сами же руководители ССА видели в словах В. Путина «попытку смешать карты накануне в преддверии [сирийско-сирийского] переговорного процесса», подчеркивая, что позиции входящих в ССА формирований постоянно подвергаются воздушным налетам российской авиации¹⁸⁰.

9–11 декабря 2015 г. в Эр-Рияде состоялась встреча 116 представителей и делегаций групп сирийской оппозиции – гражданские деятели и руководители (либо ведущие фигуры) вооруженных групп и отрядов. Участниками эр-риядской встречи, представленной саудовской стороной как «Расширенное совещание отрядов сирийской оппозиции», стали светские (в первую очередь, Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил – НКОРС, рассматриваемая во многих европейских и арабских столицах в качестве «законного пред-

ставителя сирийского народа») и «умеренные» исламистские формирования – «Ахрар Аш-Шам» и «Джейш аль-ислям». Учет интересов стран, входящих в «Группу содействия Сирии», сделал невозможным участие во встрече курдских политических структур, а также некоторых оппозиционеров, базирующихся в Москве. В ходе состоявшегося накануне открытия встречи в саудовской столице телефонного разговора глав внешнеполитических ведомств России и Саудовской Аравии российский министр иностранных дел «высказался за обеспечение максимально репрезентативного характера встречи представителей сирийской оппозиции»¹⁸¹.

Эр-риядская встреча была представлена саудовской стороной как «прямой итог решений осуществленных в Вене переговоров между членами Группы содействия Сирии». От сирийской оппозиции требовали выработать единую позицию в отношении принципов будущих сирийско-сирийских переговоров (состав делегации оппозиции планировалось определить в саудовской столице). Выступая 7 декабря 2015 г. на заседании саудовского Совета министров, король Сальман бен Абдель Азиз подчеркивал, что его страна стремится к «политическому решению сирийского кризиса» и, «отвечая пожеланиям большинства членов “группы Вена-2”, приняла решение согласиться с проведением в Эр-Рияде встречи сирийской оппозиции». Опубликованный после заседания пресс-релиз отмечал, что Саудовская Аравия «приветствует отряды умеренной сирийской оппозиции, представляющие все ее этнические, конфессиональные и политические группы и течения в самой Сирии и за ее пределами». Тот же документ заявлял, что решение принять оппозиционные группы было достигнуто «после консультаций с большинством партнеров, представляющих эффективные международные стороны, а также со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии». Саудовская сторона подчеркивала, что в ходе предстоящей встречи «сирийская оппозиция

должна провести самостоятельные переговоры, которые позволят ей выработать единую позицию, основываясь на принципах, согласованных в Декларации «Женева-1»¹⁸².

8 декабря 2015 г. близкий к высшему руководству журналист писал в этой связи: «Это – первая попытка определить будущее Сирии. Это – первая встреча сирийской оппозиции, проводимая на основе официального международного согласия, включая и русских. В Эр-Рияде собрались представители всех оттенков [оппозиции], гражданские и военные, сунниты и алавиты, друзья и христиане». Далее же он сообщал: «От участников встречи требуется достижение согласия с тем, чтобы в течение шести месяцев было начато формирование переходного правительства, которое будет руководить страной последующие полтора года. Далее же – откроются избирательные урны. Встреча в Эр-Рияде – первый шаг к тому, чтобы убедить оппозицию принять проект мирного решения, предполагающего завершение власти Башара Асада, концентрацию международных усилий, направленные на очищение страны от иранских военизированных формирований, ИГИЛ и других террористических организаций». Он же добавлял, что встреча в саудовской столице «предполагает срыв иранско-российского проекта», но этот «срыв» может обрести черты реальности только на основе «сотрудничества оппозиции ради реализации венских решений». Если же оппозиция останется «разрозненной, ... то тогда ... крупные державы решат за нее все»¹⁸³.

Открыв «Расширенное совещание отрядов сирийской оппозиции», А. аль-Джубейр покинул зал заседаний. Проводя же 10 декабря 2015 г. совместную пресс-конференцию с генеральным секретарем Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) Абдель Латифом аз-Зайяни по итогам проходившего в Эр-Рияде XXXVI саммита ССАГЗ, глава саудовского внешнеполитического ведомства заявил: «У Башара Асада есть выбор – либо он уйдет в ходе переговоров, что для всех

сторон легче и быстрее, либо он уйдет в ходе сражения». Говоря же о встрече оппозиции, А. аль-Джубейр подчеркивал, что «точка зрения оппозиции не станет обязывающей, если за ее спиной не будет поддерживающей ее силы». Только так, добавлял он, «можно будет раз и навсегда отбросить все утверждения, исходящие от любой стороны в этом мире и говорящие о том, что не существует единой сирийской оппозиции, имеющей четкое видение путей преодоления кризиса и выражающей мнение всех сирийцев». Из этих слов естественно вытекала и позиция Саудовской Аравии: «Саудовская Аравия, – подчеркивал А. аль-Джубейр, – считает себя связанной законными правами Сирии и надеется, что оппозиция выработает единый взгляд, способный ... создать положение, ведущее к политическому решению»¹⁸⁴.

Итогом эр-риядской встречи стала публикация подписанного всеми ее участниками Заключительного коммюнике, важнейшим положением которого стало требование об «уходе Асада в начале переходного этапа». Документ провозглашал «целью политического урегулирования создание новой политической системы, в которой не будет места Башару Асаду и его клике». Коммюнике подчеркивало, что оппозиция «готова вступить в переговоры с представителями режима, основываясь на Декларации Женева-1». В нем отмечалось, что оппозиция «готова распустить свои структуры с началом формирования институтов новой власти», а также «примет роль ООН в деле достижения прекращения огня и разоружения»¹⁸⁵. Саудовская дипломатия добилась серьезного успеха, выразившего себя также и в том, что встреча в Эр-Рияде смогла достичь соглашения и в связи с формированием делегации оппозиции на будущих сирийско-сирийских переговорах. Принимая участников встречи, король Сальман Абдель Азиз говорил: «Мы хотим, чтобы вы были едины. ... Я ... подтверждаю вам, что Сирия дорога нам. ... Нам нужна стойкость Сирии и стойкость наших сирийских братьев»¹⁸⁶.

Говоря о встрече в саудовской столице, российский эксперт и непосредственный участник российских контактов с сирийской оппозицией в Москве замечал: «В Эр-Рияд не пригласили нескольких очень важных людей, умеренных оппозиционеров из России, Катара, Франции. Я полагаю, что эти переговоры нерепрезентативны, особенно если к участию приглашены “Армия ислама (Джейш аль-ислям – Г.К.)”, “Ахрар Аш-Шам”, которых мы склонны включать в число экстремистов. Отношение к встрече должно быть как минимум скептическим, а то и негативным»¹⁸⁷. Преданный гласности российским министерством иностранных дел Комментарий по итогам встречи сирийской оппозиции в Эр-Рияде, хотя и отдавал «должное усилиям Саудовской Аравии по реализации полученного ею ... мандата на созыв встречи ... сирийской оппозиции», отмечал, что «собравшиеся в Эр-Рияде оппозиционеры ... продолжают настаивать на ряде предварительных условий, противоречащих духу и букве ... признанной политической платформы урегулирования сирийского кризиса». Как отмечалось в Коммюнике, «оппозиция на встрече в Эр-Рияде была представлена далеко не полностью», а «среди приехавших в Эр-Рияд группировок оказались лица, пользующиеся недоброй славой», что вновь убеждало российскую сторону, что «из политического процесса ... должны быть исключены разномастные террористы». Участие же России в работе «Международной группы поддержки Сирии» могло бы развиваться, по мнению авторов Комментария, только на основе «участия всех без исключения ее членов с целью достижения консенсуса по комплексу вопросов, касающихся ... начала подлинно общесирийского политического процесса» без каких-либо «предварительных условий»¹⁸⁸.

Российское понимание «сирийской умеренной оппозиции» было в дальнейшем выражено В. Путиным в ходе «большой пресс-конференции»: «Мы хотя бы нашли контакты с людьми – это так называемая оппозиция, причем

непримиримая и вооруженная оппозиция в Сирии, – которые хотят воевать с ИГИЛ и практически делают это. Мы их усилия по борьбе с ИГИЛ поддерживаем ударами российской авиации так же, как мы это делаем при поддержке сирийской армии. И когда мы увидим, – подчеркивал российский президент, – что процесс сближения начался, начался политический процесс, и сама сирийская армия, сирийское руководство считает, что все, надо прекратить стрелять и нужно начать договариваться, с этого момента мы не собираемся быть большими сирийцами, чем сами сирийцы»¹⁸⁹. Эта была все та же постановка вопроса, что и в начале декабря 2015 г., вновь опровергнутая сирийской оппозицией. Не приходится говорить, что для саудовской стороны российская точка зрения неприемлема, – Эр-Рияд видел в более широко, чем в России, понимаемой «сирийской оппозиции» орудие свержения Б. Асада и основу для формирования будущего и лояльного Саудовской Аравии руководства Сирии.

Гибель 25 декабря 2015 г. руководителя «Джейш аль-ислям» Захрана Аллюша и его ближайших сторонников в ходе воздушного налета на позиции этой группировки неподалеку от Дамаска была представлена саудовской прессой как «акция российской авиации». Эта операция, как подчеркивали в саудовской столице, поставила «под сомнение» возможность дальнейшего движения по пути политического урегулирования внутрисирийского конфликта (как предполагается, сирийско-сирийские переговоры начнутся 25 января 2016 г.), как и «нанесла удар по итогам эр-риядской встречи сирийской оппозиции»¹⁹⁰. Развивая эту тему, информированный саудовский журналист вновь возвращался к утверждению о том, что российская операция в Сирии далека от того, чтобы «уничтожать ведущие фигуры ИГИЛ, продолжая действовать против умеренной оппозиции»¹⁹¹.

На состоявшейся 29 декабря 2015 г. совместной пресс-конференции А. аль-Джубейра и его турецкого

коллеги Мевлюта Чавушоглу, посвященной итогам состоявшегося тогда же официального визита президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Эр-Рияд, глава саудовского внешнеполитического ведомства назвал гибель З. Аллюша итогом «российской операции», совершенной «в интересах дамасского тирана», как и направленной против «исторической встречи сирийской оппозиции» в саудовской столице. Саудовский министр иностранных дел замечал в этой связи: «Я не знаю, что происходит в головах у русских. Я не знаю причины, толкающей их к осуществлению таких операций. Однако я знаю, что если мы хотим придти к мирному решению в Сирии, то нам необходимо сотрудничать со всеми сирийскими группировками, не запятнанными терроризмом. Есть организации, борющиеся за свободу и независимость сирийского народа от преступного дамасского режима. Эти организации необходимо поддерживать»¹⁹².

14 декабря 2015 г. принц Мухаммед бен Сальман объявил о создании возглавленной Саудовской Аравией антитеррористической «исламской военной коалиции», в состав которой, как подчеркивалось в преданном гласности в этой связи специальном коммюнике, вошли 34 государства-члены ОИС (к вступлению в нее не был приглашен Иран). Как подчеркивал *наследник наследника* престола и министр обороны, задача «исламской военной коалиции» – противостояние основным источникам террористической угрозы: ИГИЛ в Ираке и Сирии, а также «структурам, действующим на территории Ливии и Йемена»¹⁹³. Комментируя заявления принца, ведущий обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал 16 декабря 2015 г. в этой газете: «Если будет решение международных организаций, например ООН, либо региональных, как Лига арабских государств, об обращении за помощью к коалиции в деле противостояния терроризму, то им будет оказано содействие в странах, где нет законной власти, таких как Ливия и Сирия, либо там, где эта власть слаба – в Йемене или Мали»¹⁹⁴.

«Исламская военная коалиция» – политический проект, ни в коей мере не призванный заменить уже существующую и направленную против «исламского государства» коалицию под руководством Соединенных Штатов, в состав которой входит и Саудовская Аравия. Вовлекая объединяемое ОИС огромное геополитическое пространство в борьбу с терроризмом, как и отстраняя от этой борьбы Иран, Эр-Рияд преследовал важную внешнеполитическую цель – изолировать Иран в мусульманском мире (наноса удар и по России – стране-наблюдателю в ОИС). Это курс, ставящий под сомнение цели и задачи российской военной операции в Сирии, и оспаривающий российскую инициативу создания «широкой международной антитеррористической коалиции», включающей официальный сирийский режим и Иран¹⁹⁵. Возможное присоединение к этой «коалиции» постсоветских «мусульманских» государств могло бы придать этому проекту дополнительные антироссийские оттенки. Вероятными кандидатами на это присоединение российская и саудовская пресса называла Азербайджан¹⁹⁶, Казахстан¹⁹⁷ и Таджикистан¹⁹⁸.

В рамках «исламской военной коалиции» Турция становилась важнейшим саудовским союзником, – достигнутое в ходе декабрьского визита 2015 г. Р.Т. Эрдогана соглашение о создании «саудовско-турецкого стратегического совета», целью которого, как отмечал А. аль-Джубейр, провозглашалось «укрепление отношений с Турцией ... в свете ситуации в регионе и вызовов, с которыми мы вместе сталкиваемся в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии, как связанных с терроризмом, экстремизмом либо несущим негативное начало вмешательством Ирана в дела региона». По словам саудовского министра, речь должна идти «о большем сотрудничестве и координации между дружественными государствами ... ради решения общих для них целей»¹⁹⁹. Российские эксперты квалифицировали этот «стратегический совет» как носящий «антироссийский характер». По словам

президента Института Ближнего Востока, это – «террористический союз», работающий «весьма успешно» ... «в Сирии и Ираке». Далее он добавлял: «Все, что делает Турция и Саудовская Аравия, всегда было и есть против России»²⁰⁰. Специалист Российского института стратегических исследований дополнял эту мысль: «Кооперация Саудовской Аравии и Турции в Сирии носит антироссийский характер. Ненависть к врагу их и объединяет. Врагом для них в настоящее время выступает Россия, которая ... пытается сделать на Востоке то, что не соответствует интересам Турции и Саудовской Аравии. ... Саудовская Аравия и Турция по разным каналам финансируют террористические организации, которые воюют против Башара Асада. Мы, в свою очередь, поддерживаем законные сирийские власти. Одним словом, их союз против Сирии – это союз против России»²⁰¹.

Выступая 19 декабря 2015 г. на торжественном вечере, посвященном Дню работника безопасности, российский президент говорил, в частности, о непрекращающемся росте «напряженности на Ближнем Востоке», где «террористы открыто объявили войну цивилизации», создав «прямую угрозу» России. Подчеркнув, что российские «вооруженные силы ... ведут борьбу с бандитами на передовых рубежах, уничтожают их инфраструктуру, лагеря, базы в Сирии», В. Путин счел необходимым заметить, в ходе антитеррористических боевых действий применены «далеко не все ... возможности». Из этого, по его словам, в частности, следовало: «Мы далеко не все еще там применяем из того, что у нас уже есть. У нас есть и дополнительные средства, и если понадобится, мы и их используем»²⁰².

В саудовской столице, в свою очередь, усиливали связанную с Сирией антироссийскую риторику, рассматривая единогласно принятую Советом Безопасности ООН 22 декабря 2015 г. касающуюся положения в Сирии резолюцию № 2258²⁰³, как «американскую уступку России». По словам саудовского политолога, «Россия смогла

найти место для будущего Асада в [принятой Советом Безопасности] далекой от четкости резолюции». Далее он продолжал: «Решение международной инстанции не дает сирийскому народу ничего ощутимого. При этом Москва настаивает на том, что только сирийский народ должен решить судьбу Асада, но Сирия не нуждается в диктаторе, потопившем ее в крови. Москва продолжает идти по пути иллюзий»²⁰⁴. Посвящая же редакционную статью политике России и Ирана в Сирии, «Аш-Шарк Аль-Аусат» писала 21 декабря 2015 г.: «Москва и Тегеран смешали карты в регионе [Ближнего Востока], где ранее полностью господствовали Соединенные Штаты. Но вопрос заключается в том, а смогут ли они в будущем году сохранить на вершине власти в Сирии своего союзника Башара Асада? Скорее всего, как это случилось с ними и раньше, они потонут в деталях этого сложного региона»²⁰⁵.

Подтверждая же «неизменность» саудовской политики в отношении Сирии, король Сальман бен Абдель Азиз в своем выступлении 23 декабря 2015 г. на открытии четвертой сессии шестого созыва Консультативного совета говорил: «С самого начала кризиса в Сирии королевство заняло четкую позицию. Она исходила из необходимости сохранения Сирии в качестве единой страны, объединяющей все этноконфессиональные группы ее населения». Далее монарх заявлял: «Мы призываем к политическому решению, которое позволит создать переходное правительство, состоящее из сил умеренной оппозиции. Это правительство обеспечит единство сирийцев, выведет иностранные войска и закончит с террористическими организациями». Наконец, он подчеркивал: «Ради безопасности, стабильности и справедливости в Сирии королевство организовало встречу представителей всех сил и оттенков сирийской оппозиции. Это было сделано для того, чтобы гарантировать единство сирийской территории на основе положений Декларации Женева-1»²⁰⁶.

Российско-саудовские отношения: какова перспектива? Вместо заключения.

Испытывая воздействие складывающейся региональной и международной ситуации, но также и факторов, воздействующих на внутривосточное положение, российско-саудовское взаимодействие обретает черты не только ярко выраженной турбулентности, но и, во многом, конфликтности. В своем российском преломлении эта конфликтность определяется все еще продолжающимся меняться пониманием роли и места России в современном мире, что в равной мере должно быть отнесено и к Саудовской Аравии. Быстрая эволюция системы международных отношений (включая и их ближневосточный компонент) не создает (по крайней мере, сегодня) существенных предпосылок, которые могли бы стать свидетельством движения российско-саудовских отношений к позитивной трансформации. Однако и сама эволюция этой системы находится под влиянием обстоятельств внутреннего развития обеих стран с его многочисленными вызовами и проблемами, определяемыми задачами обретения большей стабильности и безопасности.

Россия и Саудовская Аравия – «становящиеся» государства, первоочередной задачей которых выступает необходимость последовательной модернизации их экономических, политических и социальных структур. Однако сама эта модернизация не выглядит как простая задача, – ее решение требует быстрых и адекватных времени перемен, частью которых является создание эффективно действующих институтов и созидания общенационального единства, предполагающего широкое взаимодействие государства и общества. Ни в российском, ни в саудовском случае эта задача не только не кажется полностью реализованной, но ее реализация окрашивается в тона

«миссионерства», требующего, в одном случае, восстановления статуса «мировой державы», в другом же — укрепления роли «руководящего звена» системы ближневосточных и арабо-мусульманских международных отношений. Это «миссионерство» неизбежно приводит к трениям и противоречиям, а порой и к открытому столкновению интересов, создавая зоны «конфликтного взаимодействия» не только в ближневосточном регионе, но и в пределах постсоветского геополитического пространства, включая и «мусульманские» анклавы России.

Противостоя «модели однополярного гегемонизма», Россия расширяла видение собственной внешнеполитической роли, включая в него Ближний Восток и оправдывая движение в этом направлении ссылками на советское присутствие в его границах. Укрепив влияние в арабском мире (на фоне кризиса времени «арабской весны»), Саудовская Аравия начинала рассматривать его в качестве региона своего исключительного и безраздельного влияния, зоны собственных монопольных интересов. Учитывая снижение региональной роли Соединенных Штатов и считая недостаточным (с точки зрения понимания важности саудовской роли) европейское взаимодействие с проблемами Ближнего Востока, она стремилась вытеснить из этой зоны (либо не допустить проникновения туда) страны, способные оспорить ее курс. Рассматривая Иран в качестве важнейшей из этих стран и рассматривая Россию как его безусловного союзника, Саудовская Аравия развивала линию, призванную исключить (или, по крайней мере, сузить) российское присутствие в сфере ее региональных притязаний.

В этом контексте Сирия становилась основным полем саудовско-российского «конфликтного взаимодействия». Однако это взаимодействие доказало, что российское противостояние «однополярному гегемонизму» — идея, далекая от реальности, поскольку существующий ныне мир уже обрел черты многополярности с его многочисленными «центрами силы», способными вступить

в открытые и «опосредованные» конфликты не только с традиционным носителем «гегемонизма», но и с самой Россией. По выражению саудовского политолога, речь идет о «крушении точки зрения, которая после окончания Второй мировой войны господствовала в традиционно воспринимаемых в качестве “великих” столицах». Эта точка зрения, как он писал, состояла в том, что «эти столицы вели основную игру, в то время как региональные силы, несмотря на рост их влияния, оставались второстепенными факторами, остававшимися в лучшем случае дополнением, если не сателлитами в рамках усилий великих»²⁰⁷. Российско-саудовское «конфликтное взаимодействие» в регионе Ближнего Востока – лишнее доказательство правоты этой точки зрения.

Вероятно, не стоит считать, что в рамках этого взаимодействия его конфликтный потенциал будет в течение обозримого будущего снижаться. Российские внешнеполитические устремления, как жесткое сопротивление этим устремлениям с саудовской стороны говорят в пользу этого предположения. Вместе с тем, речь не идет только лишь о сфере ближневосточного противостояния обеих сторон. Не меньшее значение в этой связи приобретает и внутрироссийская ситуация.

Курс российских властей в течение всего времени существования современного российского государства прошел путь от линии на развитие широких контактов отечественного мусульманского сообщества с основным ареалом распространения ислама до его нынешнего сокращения уровня и эффективности этих контактов. Для этого были существенные причины – ситуация на Северном Кавказе и воздействие радикализма внешнего политического ислама. Однако исламская религиозная доктрина не может быть сведена только к ее российскому варианту либо российской теологической школы. Она – транснациональна, включая в себя всю совокупность школ, течений, воззрений и точек зрения, ни одна из которых не может быть объявлена «еретической». Равным

образом и российское мусульманское сообщество – часть значительно более широкого мира ислама, – мусульманская *умма* может быть только всемирной, но не «российской» либо ограниченной какими-либо иными национально-государственными рамками. Это сообщество было и останется сферой распространения всех тех идей, которые распространяются сегодня (и будут распространяться в будущем) в мире, лежащем за пределами России. Защита интересов исламских меньшинств в немусульманских странах – один из приоритетов саудовской внешней политики. Исключить саудовское (или какое-либо иное) воздействие на российских мусульман – неосуществимая задача. Более того, перенос «конфликтного взаимодействия» обеих сторон в эту сферу несет в себе значительные риски для российской стороны, в малой мере готовой содействовать полномасштабному включению своих мусульманских граждан в общенациональный политический процесс.

Примечания

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Российско-саудовские отношения. 10 октября 2011. – <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/61cffc2e56c939e643256dd3002b95fd!OpenDocument>.

² Президент России. Вступительное слово на встрече с наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой бен Абдель Азизом Аль Саудом. 2 сентября 2003. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/22100>.

³ Провозглашая симбиоз православия и «континентального», а не «евроатлантического» ханифитского мазхаба (а также шиизма и суфизма) как основу евразийства, теоретик этого направления политической мысли Александр Дугин писал: «Православная Церковь и традиционный ислам представляют собой полноценные и подлинные восточные традиции, в то время как протестантизм и ваххабитская ересь суть пародии, подделки, результаты извращения чистой духовности. С точки зрения геополитической, атлантический характер современных ересей (и западных и восточных) очевиден: центром ересей являются США». – *Дугин А.* Третья столица. – *Завтра*, № 21, 23 мая 2000. С. 8.

⁴ Совместное советско-саудовское коммюнике. – *Известия*, 19 сентября 1990. С. 1.

⁵ Говоря о логике движения в этом направлении, один из творцов курса на сближение с Саудовской Аравией и член руководства международного аппарата ЦК КПСС в конце 1990-х гг. писал: «СССР сотрудничал лишь с частью арабского мира. Нефтедобывающие государства Залива оставались вне нашего воздействия, и в годы “холодной войны” ничего изменить было невозможно. Эти государства, опасавшиеся “коммунистического проникновения”, находились под плотной опекой Соединенных Штатов и были связаны с Западом теснейшими узами, став частью его финансово-экономической системы. ... Путь в Эр-Рияд ... лежал через Ва-

шингтон, а наша политика была привязана к расколу в арабском мире». – *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., Международные отношения, 1998. С. 368.

⁶ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Преамбула. – <http://constitution.kremlin.ru>.

⁷ Говоря о начале 1990-х гг., как об эпохе «становления российской дипломатии», бывший в течение 1998–2004 гг. министром иностранных дел Игорь Иванов подчеркивал: «Российская дипломатия должна была пройти через период “революционной эйфории”, переболеть некоторыми “детскими болезнями”, неизбежными для молодой демократии». Однако к началу 2000-х гг. «период формирования внешнеполитической стратегии в основном завершен», поскольку «сегодня внешняя политика в России перестает быть предметом острой внутривнутриполитической борьбы, как это было в первой половине 1990-х годов». – Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на первом Конвенте Российской ассоциации международных исследований. – *Дипломатический вестник*, № 5, май 2001. С. 2–3.

⁸ Поездка А.В. Козырева по странам Залива. – *Дипломатический вестник*, №9/10, 15–31 мая 1992. С. 18.

⁹ Здесь и далее: Брифинг 5 мая. Брифинг проводили С.В. Ястржембский и советник министра иностранных дел Г.Э. Сидоров. О поездке А.В. Козырева по странам Залива. – Там же. С. 36–38.

¹⁰ См., в частности: *Игнатенко А.* Ислам в борьбе за политическое лидерство. – *Ермаков И., Микульский Д.* (отв. ред-ры). Ислам в России и Средней Азии. М., 1993. С. 166–174; *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 260–281.

¹¹ *Васильев А.* Россия и мусульманский мир: партнеры или соперники? – *Известия*, № 59, 10 марта 1992. С. 3.

¹² Взаимодействие России с Организацией Исламская Конференция. – Россия и Организация Исламская конференция. Сборник документов и материалов. М. – Казань, Институт востоковедения РАН, Совет муфтиев России, 2008. С. 15.

¹³ Здесь и далее: Визит В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман. – *Дипломатический вестник*, № 23/24, декабрь 1994. С. 9–10.

¹⁴ *Касаткин А.* Станет ли Ближний Восток российским приоритетом? – *Международная жизнь*, № 4, 1994. С. 69–72.

¹⁵ Страны Аравийского полуострова. – Россия и арабские страны: проблемы и перспективы сотрудничества. М., Государственная Дума Российской Федерации, 1994. С. 39–40.

¹⁶ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Российско-саудовские отношения. 10 октября 2011.

¹⁷ Обращаясь к кризису в российско-саудовских отношениях, Андрей Бакланов замечал: «Я приехал в 2000 году в Саудовскую Аравию, когда наши отношения были на пике различий. Они носили, я бы сказал, недружественный характер». – Андрей Бакланов: «Король Абдалла прекрасно знал людей, пользовался огромным авторитетом». *Вестник Кавказа*, 23 января 2015. – <http://www.vestikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey-polzovalsya-ogromnym-avtoritetom.html>.

¹⁸ Объективное рассмотрение этого процесса в: *Ражбадинов М.З.* Некоторые аспекты российско-саудовских отношений. – *Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы*. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 8–14.

¹⁹ См., например: *Студнев Г.* Русские добровольцы на Балканах. К 15-летию агрессии НАТО против Югославии. – *Ридус*, 24 марта 2014. – <http://www.ridus.ru/news/157030>.

²⁰ Пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова. 8 апреля 1999. – Агрессия НАТО против Югославии. – *Дипломатический вестник*, № 5, май 1999. С. 4–5.

²¹ Россия – Саудовская Аравия. Визит С. Аль-Фейсала в Россию. – *Дипломатический вестник*, № 4, апрель 1999. С. 16.

²² Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утверждена указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. – Совет Безопасности Российской Федерации. – <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

²³ Из послания президента Российской Федерации Федеральному собранию. Россия и мир на пороге третьего тысячелетия. – *Дипломатический вестник*, № 4, апрель 1999. С. 3–4.

²⁴ См., например: *Поляков К., Хасянов А.* Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., Эдиториал USSR, 2001. С. 120–135.

²⁵ *Поляков К.И.* Исламская составляющая процесса формирования российско-саудовских отношений в 90-е годы XX века. – Король-реформатор. Видение российской интеллигенции. М., Прогресс, 2002. С. 58–60.

²⁶ См. об этом, в частности: *Косач Г.Г.* Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция. – Вестник Евразии/Acta Eurasica, 2000, № 2. С. 59–85.

²⁷ Пример деятельности братьев Шангареевых, создавших Оренбургское, Ульяновское и Астраханское духовные управления мусульман, рассматривается в: *Косач Г.Г.* Ислам в Оренбургской области. М., Логос, 2008. С. 94–129.

²⁸ Концепция национальной безопасности Российской Федерации.

²⁹ Из послания президента Российской Федерации Федеральному собранию. Россия и мир на пороге третьего тысячелетия. С. 4.

³⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 г. – Дипломатический вестник, № 8, июля 2000. С. 3–11.

³¹ Россия – ОИК. Делегация ОИК в России. – Дипломатический вестник, № 2, февраль 2000. С. 4.

³² Стенограмма выступления министра иностранных дел И.С. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с генеральным секретарем Организации Исламская конференция Абдель Вахидом Бельказимом. 28 января 2003. – <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/dde54dd22f01755c43256a65004daaee/af8ebe3a95e9ed3843256dd500405aba!OpenDocument>.

³³ Встреча И.С. Иванова с главами арабских делегаций. – Дипломатический вестник, № 3, март 2000. С. 5.

³⁴ Россия – Саудовская Аравия – Объединенные Арабские Эмираты. Посещение Р.Г. Абдулатиповым Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. – Дипломатический вестник, № 4, апрель 2000. С. 6.

³⁵ Посещение Королевства Саудовская Аравия. – Дипломатический вестник, № 12, декабрь 2000. С. 4.

³⁶ Андрей Бакланов: «Король Абдалла прекрасно знал людей, пользовался огромным авторитетом».

³⁷ Владимир Путин встретился с генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном. 13 мая 2003. –

<http://www.kremlin.ru/news/28624>.

³⁸ Глава российского внешнеполитического ведомства И. Иванов заявлял в этой связи, что российско-американские противоречия недавнего прошлого (связанные, в частности, с проблемой Ирака) не более чем «противоречия периода глобализации», а не «времени “холодной войны”». – Выступление И.С. Иванова на презентации румынского издания его книги «Внешняя политика России в эпоху глобализации. 5 мая 2003. – Дипломатический вестник, № 6, июнь 2003. С. 2.

³⁹ Выступление И.С. Иванова на совместной с С. Аль-Фейсалом пресс конференции. – Дипломатический вестник, № 6, июнь 2003. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 9.

⁴¹ Принц Абдалла: «Чеченский вопрос – внутреннее дело России». – Известия, 4 сентября 2003. – <http://izvestia.ru/news/280837>.

⁴² *Косач Г.Г.* Российско-саудовские отношения: визит принца Абдаллы. – Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы. С. 44–45.

⁴³ Выступление И.С. Иванова на совместной с Саудом Аль-Фейсалом пресс-конференции. 3 сентября 2003. – Дипломатический вестник, № 10, октябрь 2003. С. 6–7.

⁴⁴ Владимир Путин встретился с муфтием мусульман Таджикистана Амонуллой Нематзаде. 27 апреля 2003. –

<http://www.kremlin.ru/news/28551>.

⁴⁵ Совместное российско-саудовское заявление. 2 сентября 2003. – http://www.kremlin.ru/ref_notes/1712.

⁴⁶ Президент России. Выступление на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская Конференция. 16 октября 2003. Путраджайя, Малайзия. –

<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/10/54103.shtml>

⁴⁷ Президент России. Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии. Эр-Рияд, 12 февраля 2007. – <http://news.kremlin.ru/transcripts/24037>.

⁴⁸ Здесь и далее: *Косач Г.Г.* Российско-саудовские отношения: визит принца Абдаллы. – Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы. С. 42–44.

⁴⁹ Интервью С.В. Лаврова российским СМИ по итогам участия в сессии министров иностранных дел ОИК. – Дипломатический вестник, № 7, июль 2004. С. 5–6.

⁵⁰ Президент России. Стенографический отчет о встрече с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви, 6 октября 2004. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/22626>.

⁵¹ Президент России. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/24034>.

⁵² Здесь и далее: Президент России. Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии. 12 февраля 2007. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/24037>.

⁵³ *Бажректаревич А.* Геополитика энергии: «арабская весна». – Международная жизнь, № 10, октябрь 2011. С. 18.

⁵⁴ Президент России. Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии.

⁵⁵ Президент России. Документы, подписанные в ходе официального визита в Саудовскую Аравию. 11 февраля 2007. – http://news.kremlin.ru/ref_notes/3083.

⁵⁶ Президент России. Ответы на вопросы российских журналистов по завершении визитов в страны Ближнего Востока, 13 февраля 2007. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/24041>.

⁵⁷ *Озеров О.Б.* Россия и Саудовская Аравия: 20 лет новых отношений. – Международная жизнь, № 11, ноябрь 2011. С. 8.

⁵⁸ Совет Безопасности России. Игорь Иванов: Россия выступает за организацию системы региональной безопасности с учетом интересов всех стран Персидского залива. 30 января 2007. – <http://www.scrf.gov.ru/searchhl?url=news/153.html>.

⁵⁹ В 1998 г. возник Межрелигиозный совет России, в состав которого вошли представители «традиционных российских конфессий»

(православия, ислама, буддизма и иудаизма). Этот совет рассматривался российским президентом в качестве модели предлагавшего им межрелигиозного «консультативного совета под эгидой ООН».

⁶⁰ Президент России. Приветствие участникам заседания Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», 28 октября 2008. – <http://www.kremlin.ru/news/1877>.

⁶¹ Президент России. Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008. – <http://kremlin.ru/acts/785>.

⁶² Отсутствие официальных комментариев лишь в малой степени компенсировалось связанными с конфликтом публикациями в саудовской прессе. См. об этом: *Косач Г.Г.* Конфликт в связи с Южной Осетией: комментарии саудовской прессы. – Институт Ближнего Востока, 18 августа 2008. – <http://www.iimes.ru/?p=7438>.

⁶³ *Озеров О.Б.* Россия и Саудовская Аравия: 20 лет новых отношений. С. 10.

⁶⁴ Президент России. Вступительное слово на встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа, 28 августа 2008. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/5296>.

⁶⁵ См., например: *Павлов О.О.* «Фитна» в арабском мире, или куда ведут смутные времена на Ближнем Востоке. – *Международная жизнь*, № 11, ноябрь 2011. С. 28.

⁶⁶ Президент России. Заявление президента России в связи с ситуацией в Ливии, 21 марта 2011. – <http://www.kremlin.ru/news/10701>.

⁶⁷ Президент России. Интервью российским телеканалам, 26 апреля 2012. – <http://www.kremlin.ru/news/15149>.

⁶⁸ *Мальшева Д.Б.* Монархии Персидского залива и «арабская весна». – *Международная жизнь*, № 8, июль 2012. С. 24–25.

⁶⁹ Здесь и далее: Послание президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013. – <http://www.kremlin.ru/news/19825>.

⁷⁰ *Новикова Е.* Путин не обменяет Асада на саудовские 15 миллиардов долларов. – *Независимая газета*, 9 августа 2013. С. 3.

⁷¹ См., например: *Эль-Мюрид А.* Ультиматум принца Бандара. – *Взгляд*, 23 декабря 2013. – <http://vz.ru/opinions/2013/10/23/656233.html>.

⁷² Комментарий Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К.Долгова относительно ситуации в Восточной провинции Саудовской Аравии, 12 июля 2012. –

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/0555FE026278245844257A39002B5CF7.

⁷³ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013. –

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

⁷⁴ Комментируя итоги встречи в Монтре, С. Лавров замечал: «У наших коллег из Европы, из региона, из США и у оппозиции есть искушение трактовать Женевское коммюнике исключительно в контексте смены режима. Мы сделали акцент на принципе, заложенном в коммюнике, который предполагает достижение обоюдного согласия между правительством и оппозицией». Касаясь же Ирана, он подчеркивал: «Я обсуждал роль Ирана с большинством участников конференции и не услышал ни от одного из них мнение о том, что нынешний формат внешних игроков идеален. Все говорили, что ИРИ играет очень важную роль, и нужно найти способ вовлечения этой страны в процесс поддержки прямых сирийских переговоров. Думаю, что возобладает здравый смысл, и такая возможность будет найдена». – Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам участия в международной конференции по сирийскому урегулированию «Женева-2», Монтре, Швейцария, 22 января 2014. –

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/5B323FF32B99077144257C69001FD49F.

⁷⁵ Аль-Фейсал: ад-даам ар-русий ли низам Аль-Асад хувва джу асасий мин аль-мааси аль-ляти тамусс аш-шааб ас-сурий (Аль-Фейсал: российская поддержка режима Асада – основной элемент страданий, обрушившихся на сирийский народ). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 марта 2015. – <http://aawsat.com/home/article/324451>.

⁷⁶ Интервью министра иностранных дел С.В. Лаврова программе «Вести в субботу», 28 июня 2014. –

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/67A040B3CD606F4B44257D05002C4270.

⁷⁷ Исламские радикалы перекинули мост между Москвой и Вашингтоном. – Коммерсант, 21 февраля 2015. – <http://www.kommersant.ru/doc/2673258>.

⁷⁸ Заместитель главы МИД РФ Михаил Богданов: Мы имеем дело с террористическим интернационалом. – Коммерсант, 29 сентября 2014. – <http://www.kommersant.ru/doc/2577700?isSearch=True>.

⁷⁹ Президент России. Интервью ежедневной египетской газете «Аль-Ахрам», 9 февраля 2015. – <http://kremlin.ru/news/47643>.

⁸⁰ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Гватемалы К. Моралесом, 26 марта 2015. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/38E68B09487EE71C43257E150023EVE3.

⁸¹ Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22 октября 2013. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/19474>.

⁸² Ее кульминацией стало заявление В. Путина в послании Федеральному собранию в декабре 2014 г.: «Нас всеми силами пытаются убедить в том, что трагедия на Украине это и есть грамотная, взвешенная политика, которой мы должны бездумно и слепо подчиняться. Этого не будет. Если для ряда европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования». – Президент России. Послание президента Федеральному собранию, 4 декабря 2014. – <http://kremlin.ru/news/47173>.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Президент России. Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014. – <http://www.kremlin.ru/news/20796>.

⁸⁵ Президент России. Внесено изменение в Указ о мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН № 1929. 13 апреля 2015. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49248>.

⁸⁶ *Ар-Рашид А.Р.* Авваль бидаъа иштаратха Иран баад аль-иттифак (Первый товар, купленный Ираном после соглашения). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 апреля 2015. – <http://aawsat.com/home/article/339116>.

⁸⁷ Байян мин ад-диван аль-малякий: истиджаба ли даъва аль-хукума ар-русийя ва бинаан аля тауджих Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн Сумув вали вали аль-ахд якум би зийяра ли Русия (Сообщение королевской канцелярии: по приглашению российского правительства и на основе личного указания Служителя Двух Благородных Святынь Его Высочество наследник наследника престола совершит визит в Россию). – Министерство иностранных дел Саудовской Аравии, 16 июня 2015. – <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/statements/Pages/ArticleID2015616193838601.aspx>.

⁸⁸ Как говорил И. Мадани, «Генеральный секретариат [ОИС] внимательно наблюдает за развитием ситуации на полуострове Крым. Мы надеемся, что последние события не затронут политических, культурных и религиозных прав живущих там татар-мусульман. Генеральный секретариат призывает обеспечить их будущее и их права как граждан. Мы надеемся, что осуществлявшееся в отношении их в Советской России запугивание и принудительная депортация более не повторятся. ОИС также надеется, что российская позиция, выразившая себя в поддержке права русских полуострова на осуществление политического самоопределения, будет содействовать пересмотру Россией ее позиции в отношении Косово, что Россия более не будет препятствием на пути народа Косово к самоопределению, провозглашению независимости и созданию собственного государства». – Муназзама ат-таавун аль-ислямий (Организация исламского сотрудничества). Калима аль-устаз Ийяд Амин Мадани Аль-Амин аль-амм ли Муназзама ат-таавун аль-ислямий амам ад-даура аль-вахида ва аль-арбаин ли Маджлис вузара аль-хариджийя (Выступление Ийяда Амина Мадани, Генерального секретаря ОИС на XLI сессии Совета министров иностранных дел). Джидда, 16 июня 2014. –

http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9148&ref=3666&lan=ar.

⁸⁹ Визара аль-хариджийя ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия). Маджлис вузара хариджийя ад-дувваль аль-аада фи Муназзама ат-таавун аль-ислямий ясдыр Иъалян Джидда (Совет ми-

нистров иностранных дел государств-членов ОИС принимает Декларацию Джидды). 17 июня 2014. –

<http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/SEMINARSANDCONFERENCES/FourmExploringIslamicCooperation/ConferenceNews/Pages/ArticleID2014619142551921.aspx>.

⁹⁰ Российское роуд-шоу в Королевстве Саудовская Аравия. – Российско-Арабский Деловой совет. 30 мая 2015. –

http://www.russarabbc.ru/about/news_detail.php?ID=35942&print=Y.

⁹¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сообщение для СМИ. О рабочей поездке спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова в Саудовскую Аравию. 27 мая 2015. –

http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A0B6E43257E520046A51B.

⁹² Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сообщение для СМИ. О встрече спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова с делегацией йеменского движения «Ансар Алла». 8 июня 2015. –

http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/newline/6F64FC3551E5421743257E5E00548D11.

⁹³ Резолюция 2216 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7426-ом заседании 14 апреля 2015 года. –

<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/103/75/PDF/N1510375.pdf?OpenElement>.

⁹⁴ Как отмечалось в сообщении, размещенном на сайте президента России, «саудовский король ... выразил признательность за позицию России при принятии Советом Безопасности ООН 14 апреля резолюции № 2216». В том же сообщении подчеркивалось также, что король Сальман бен Абдель Азиз и президент В. Путин выразили «обоюдный на строй на дальнейшее наращивание взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в самых различных областях», а также сообщалось, что «В. Путин пригласил короля Саудовской Аравии посетить Россию с визитом». – Президент Российской Федерации. Телефонный разговор с королем Саудовской

Аравии Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом. – 20 апреля 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/49304>.

⁹⁵ Здесь и далее: Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества И. Мадани, Москва, 11 июня 2015 года. –

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/A04CD1006F42E75743257E6100553BDB.

⁹⁶ В 2005 г. на состоявшейся в Эр-Рияде международной антитеррористической конференции было заявлено о стремлении Саудовской Аравии создать Международный антитеррористический центр. Это заявление было подтверждено соответствующим решением короля Абдаллы бен Абдель Азиза. – См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: новая система международных и региональных координат. – Ближний Восток и современность. Вып. 30. М., Институт Ближнего Востока, 2007. С. 90–96.

⁹⁷ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с террористическим актом в Саудовской Аравии. 23 мая 2015. –

http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/1305806.

⁹⁸ Президент России. Встреча с преемником Наследного принца, министром обороны Саудовской Аравии Мухаммедом бен Сальманом. 18 июня 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/49724>.

⁹⁹ В ходе своей пресс-конференции по итогам саммитов БРИКС и ШОС 9 июля 2015 г. в Уфе С. Лавров говорил: «Все прекрасно понимают, что целью “ИГ” является не Сирия или Ирак», а «две мусульманские святыни, и это практически не скрывается. ... Это борьба на выживание арабских государств. ... Реалистично ли, что Саудовская Аравия, Турция, другие страны, которые сейчас не находятся в добрых отношениях с режимом Б. Асада, смогут объединить усилия в борьбе в рамках такой коалиции, то, думаю, для начала необходимо говорить не о реалистичности, а о том, что это

абсолютно необходимо. ... У нас на Петербургском международном экономическом форуме был Министр обороны Саудовской Аравии, наследный принц Мухаммед бен Сальман. С ним состоялся разговор о том, насколько страшна угроза терроризма на Ближнем Востоке и Севере Африки». – Министерство иностранных дел Российской Федерации. Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В. Лаврова на «полях» саммитов БРИКС и ШОС, Уфа, 9 июля 2015. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/94V3FFD7279721CA43257E7D00449B30.

¹⁰⁰ Как писал эксперт Российского совета по международным делам, «у арабийцев сложилось ощущение, что если и искать варианты решения сирийской головоломки, то на текущий момент делать это следует не столько в Вашингтоне, сколько в Москве». – *Сучков М.* Запрос на «перезагрузку»: перспективы обновления российско-саудовских отношений. – Российский совет по международным делам, 19 июня 2015. – http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6171#top-content.

¹⁰¹ Мухаммед бен Сальман ва Путин ябхасан аль-аудаъ аль-иклимийя (Мухаммед бен Сальман и Путин обсудят положение в регионе). – Аль-Хайят, 17 июня 2015. – <http://alhayat.com/Articles/9552455>.

¹⁰² Al-Arabiya News. Saudis to jointly invest up to \$10 bln with Russian fund. 21 June 2015. – <http://english.alarabiya.net/en/business/markets/2015/06/21>.

¹⁰³ *Едовина Т.* Саудовские инвесторы присматривают крупные стройки. – Коммерсант, 7 июля 2015. – <http://kommersant.ru/doc/2762915>.

¹⁰⁴ Ситт иттифакийят тутаввидж зийяра вали вали аль-ахд ас-саудий иля Русия (Шесть соглашений увенчали визит наследника наследника саудовского престола в Россию). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 19 июня 2015. – <http://aawsat.com/home/article/387151/6>.

¹⁰⁵ Пресс-центр Совета муфтиев России. Встреча с наследным принцем Саудовской Аравии. 18 июня 2015. – <http://www.muslim.ru/articles/287/13424>.

¹⁰⁶ Официальный Татарстан. Рустам Минниханов встретился с вице-премьером, министром обороны Саудовской Аравии Мухаммедом бен Сальманом Аль Саудом. 18 июня 2015. – <http://tatarstan.ru/index.htm/news/444467.htm>.

¹⁰⁷ Кадыров Рамзан Ахматович. Глава Чеченской Республики. Глава Чеченской Республики в рамках ПМЭФ встретился с министром обороны Саудовской Аравии. 20 июня 2015. – http://www.ramzan-kadyrov.ru/press.php?releases&press_id=5919&month=06&year=2015.

¹⁰⁸ *Сенькович В.* Россия – Саудовская Аравия: «оттепель» в отношениях? – Российский совет по международным делам, 18 августа 2015. – http://russiancouncil.ru/inner/?d_4=6474.

¹⁰⁹ Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн ва ар-раис аль-американый яькидан джалъса мубахасат расмийя ва судур Байян муштарак (Служитель Двух Благородных Святынь и американский президент провели официальные переговоры. Публикация Совместного коммюнике). – Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. 5 сентября 2015. – <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/statements/Pages/ArticleID20159524139554.aspx>.

¹¹⁰ *Ад-Досри С.* Аль-Малик Сальман фи Вашингтон (Король Сальман в Вашингтоне). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 4 сентября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/444586>.

¹¹¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Саудовской Аравии А. Аль-Джубейром. 11 августа 2015. – http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/1649043.

¹¹² Президент России. Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов. 4 сентября 2015 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50234>.

¹¹³ *Аль-Хамид Т.* Ар-Рус ва Сурия: кайф нафхам Моску (Русские и Сирия: как понимать Москву)? – Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 сентября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/446056>.

¹¹⁴ Вазир аль-хариджийя: Аль-Мамляка ва Аль-Вилайят Аль-Муттахида Аль-Американыйя туассисан ли ширака истратиджийя джадида байн аль-балядайн ли аль-карн аль-вахид ва аль-ишрин (Министр иностранных дел: Королевство и Соединенные Штаты Америки создают новое двустороннее стратегическое партнерство XXI века). – Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. 5 сентяб-

ря 2015. – <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/MinistryNews/Pages/ArticleID20159513247746.aspx>.

¹¹⁵ Мухаммед бен Сальман яльтаки Путин ва Ас-Саудийя: каликун мин тадаххаликум фи Сурия (Мухаммед бен Сальман встречается с Путиным. Саудовская Аравия: мы обеспокоены вашим вмешательством в Сирии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 октября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/472296>.

¹¹⁶ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Совместная пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова и министра иностранных дел Королевства Саудовская Аравия А. Аль-Джубейра. Сочи, 11 октября 2015 г. – http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1838901.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Мухаммед бен Сальман: нахрис аля халль аль-узма ас-сурийя сильмийан (Мухаммед бен Сальман: мы стремимся к мирному решению сирийского кризиса). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 октября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/472351>.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Совместная пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова и министра иностранных дел Королевства Саудовская Аравия А. Аль-Джубейра.

¹²¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам председательства России в Совете Безопасности ООН. Нью-Йорк, 1 октября 2015 г. – http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1825252.

¹²² Министерство иностранных дел Российской Федерации. Совместная пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова и министра иностранных дел Королевства Саудовская Аравия А. Аль-Джубейра.

¹²³ *Ар-Рашид А.Р.* Муваджаха ар-рус мутааххара ва сааба (Противостояние русским запоздало и трудно). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 октября 2015. – <http://aawsat.com/node/471496>.

¹²⁴ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Сенаторы единогласно одобрили использование российских вооруженных сил на территории Сирии. 30 сентября 2015. – <http://council.gov.ru/press-center/news/59272>.

¹²⁵ Президент России. Встреча с президентом Сирии Башшаром Асадом. 21 октября 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50533>.

¹²⁶ Президент России. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22 октября 2015 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>.

¹²⁷ Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Святейший Патриарх Кирилл: нельзя оставаться безучастными к страданиям сирийского народа. 30 сентября 2015. – <http://www.patriarchia.ru/db/print/4234135.html>.

¹²⁸ Центральное Духовное Управление мусульман России. Заявление ЦДУМ России. 30 сентября 2015. – <http://cdum.ru/news/44/6264>.

¹²⁹ Совет муфтиев России. Обращение муфтия шейха Равиля Гайнутдина в связи с присоединением российских Военно-космических сил к международным силам, ведущим борьбу с террористическими организациями на территории Сирии. 1 октября 2015. – <http://www.muslim.ru/articles/289/13920/>

¹³⁰ Совет муфтиев России. Заявление мусульманских улемов в связи с российской операцией в Сирии. – <http://www.muslim.ru/articles/272/14137>.

¹³¹ Совет муфтиев России. Выступление муфтия шейха Равиля Гайнутдина на совместном заседании Совета Федерации и Государственной Думы. 20 ноября 2015. – <http://www.muslim.ru/articles/288/14139>.

¹³² РИА «Новости». Совет муфтиев РФ готов помочь урегулировать отношения с Турцией. 2 декабря 2014. – <http://ria.ru/religion/20151202/1334468796.html>.

¹³³ *Мухаметов А.Р.* Успехи на турецком и саудовском направлении – во многом заслуга Гайнутдина. – Совет муфтиев России. 16 июля 2015. – <http://www.muslim.ru/articles/269/13694>.

¹³⁴ Президент России. Московская Соборная мечеть открыта после реконструкции. 23 сентября 2015. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50351>.

¹³⁵ Выступая на LXX сессии Генеральной Ассамблеи, В. Путин говорил: «Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке ... Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе вызревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были ... бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа». – Президент России. 70 сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 2015 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Президент России. Послание президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

¹³⁸ Ас-Саудийя туталиб би аль-вакф аль-фаурий ли аль-амалийят аль-аскарийя ар-русийя фи Сурия ва адам тикрариаха (Саудовская Аравия требует немедленно прекратить российские военные операции в Сирии и не допускать их повторения). – Аль-Хайят, 2 октября 2015. –

<http://www.alhayat.com/Articles/11435632>.

¹³⁹ Маали вазир аль-хариджийя: Аль-Мамляка туакид анна аль-хифаз аля аль-амн ва ас-сильм ад-дуввалейн ятаталлаб тахкик аль-адала ва аль-мусават байн аш-шууб (Его Превосходительство министр иностранных дел: Королевство подтверждает, что сохранение международной безопасности и мира требует достижения справедливости и равенства между народами). – Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. 3 октября 2015. – <http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID2015104145940388.aspx>.

¹⁴⁰ Аль-Муатамар ас-сухуфий аль-муштарак ли Маали вазир аль-хариджийя ва вазир аль-хариджийя аль-альманий (Совместная пресс-конференция Его Превосходительства министра иностранных дел и министра иностранных дел Германии). – Министерство

иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. 3 октября 2015. – 19 октября 2015. –

<http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/ArticleID20151020124814411.aspx>.

¹⁴¹ *Аль-Хамид Т.* Аль-Хивар маа ар-рус аля аль-ард (Диалог с русскими на земле). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 октября 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/478436>.

¹⁴² Аль-Джубейр ли «Аль-Хайят»: Иран акбар раби ли аль-ирхаб фи аль-алям ва ля даур ли Аль-Асад фи аль-мархаля аль-интикалий (Аль-Джубейр в интервью «Аль-Хайят»: Иран крупнейший в мире спонсор терроризма, Асад не будет играть никакой роли в ходе переходного этапа). – Аль-Хайят, 1 октября 2015. –

<http://www.alhayat.com/Articles/11419495>.

¹⁴³ Ас-Сафир ар-русий ли «Аль-Хайят»: ля нухаттыт танфиз эй амалийят баррий фи Сурия итлякан (Российский посол говорит «Аль-Хайят»: мы категорически не планируем проведение каких-либо наземных операций в Сирии). – Аль-Хайят, 8 октября 2015. –

<http://www.alhayat.com/Articles/11504478/>

¹⁴⁴ Размещенное на сайте российского президента сообщение о его телефонном разговоре с саудовским монархом 21 октября 2015 г. гласило: «В телефонном разговоре Владимира Путина с Королем Саудовской Аравии Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом продолжено обсуждение сирийской тематики. Глава Российского государства информировал монарха об итогах состоявшегося накануне визита Президента Сирии Башара Асада в Российскую Федерацию». – Президент Российской Федерации. Телефонный разговор с королем Саудовской Аравии Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом. 21 октября 2015. –

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/50540>.

Касающееся того же сюжета сообщение саудовской королевской канцелярии было иным: «Со Служителем Двух Благородных Святынь королем Сальманом бен Абдель Азизом связался по телефону президент Российской Федерации Владимир Путин. Состоялся разговор по поводу двусторонних отношений, а также в связи с положением в регионе и событиями на региональной и международной арене». – Хадим Аль-Харамейн ябхас хатифиян

маа ар-раис Путин мустаджадат аль-ахдас аль-иклимийя ва ад-дуввалийя (Служитель Двух Святынь обсудил по телефону с президентом Путиным региональные и международные события). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 октября 2014. –

<http://aawsat.com/node/479431>.

¹⁴⁵ Президент России. Встреча с президентом Сирии Башшаром Асадом. 21 октября 2015. –

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/50533>.

¹⁴⁶ *Аль-Хамид Т.* Мата ва кайф ярхаль Аль-Асад (Когда и как уйдет Асад)? – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 октября 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/487046>.

¹⁴⁷ Истибъад Иран мин кымма аль-ирхаб ва ташкиль умамий ли сахк ДАИШ (Отстранение Ирана от участия в саммите по вопросам терроризма и создание международного объединения противостояния ИГИЛ). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 октября 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/463416>.

¹⁴⁸ *Аль-Хамид Т.* Сурия: арифна ан аль-хутта Путин (Сирия: теперь нам известен план Путина). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 сентября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/463771>.

¹⁴⁹ *Ар-Рашид А.Р.* Ар-Рус фи Багдад айдан (Русские уже в Багдаде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 сентября 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/463776>.

¹⁵⁰ Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Святейший Патриарх Кирилл: нельзя оставаться безучастными к страданиям сирийского народа.

¹⁵¹ См. об этом: *Косач Г.Г.* Правый сектор друзей Сирии. – НГ – религии, 21 октября 2015. –

http://www.ng.ru/facts/2015-10-21/6_siria.html.

¹⁵² Как замечал экономист (в 2000–2005 гг. советник президента В. Путина) Андрей Илларионов: «В ближайшее время Саудовская Аравия (и, возможно, Катар) могут быть объявлены спонсорами международного терроризма, так или иначе причастными к гибели сотен российских граждан. Ссылаясь на ст. 51 Устава ООН, Кремль может осуществить операции возмездия, нацеленные на военные, инфраструктурные, энергетические объекты этих государств». – *Илларионов А.* На

очереди удар по Саудовской Аравии? 18 ноября 2015. – <http://aillarionov.livejournal.com/875289.html>.

¹⁵³ По словам Евгения Сатановского: «Это люди, живущие в стиле работорговли и рабовладения Да, сегодня у них много денег, у них современные гаджеты, они говорят на отличных языках, они окончили западные вузы. Все понятно, но это вот такие вот ребята. И тут надо очень серьезно понять, что с ними делать. Хотя, конечно, если бы они знали, что за такого рода игры отвечать будет не безымянный терроризм, а персонально тот, кто дал ему команду, таких бы ситуаций не было: мы бы давно покончили с международным терроризмом». – Какую тайну Airbus A321 скрывают спецслужбы? 10 ноября 2015. – <http://news-front.info/2015/11/10/ka-kuyu-tajnu-airbus-a321-skryvayut-specsluzhby>.

¹⁵⁴ Как писал Джамаль Хашогги, Россия «ведет беспорядочные бомбардировки районов, где проживают сирийские туркоманы, а это – не война, а месть». Далее он добавлял: «Кто может гарантировать, что еще один “Сухой” не будет сбит ракетой “земля-воздух”? И тогда впавший в ярость медведь обвинит Саудовскую Аравию или Катар, а, может быть, и обе страны, в том, что они поставляют повстанцам ракеты и возложит на них ответственность [за инцидент]?». Это может произойти, по мнению Д. Хашогги, еще и потому, что «ухудшающееся экономическое положение лишь усиливает ярость» российского президента. А это, в свою очередь, позволит ему «обвинить Саудовскую Аравию в том, что она – причина падения цен на нефть». – *Хашогги Д.* Хатар Путин аля Ас-Саудийя (Опасность Путина для Саудовской Аравии). – Аль-Хайят, 28 ноября 2015. – <http://alhayat.com/Opinion/Jamal-Khashoggi/12403576>.

¹⁵⁵ Аль-Малик Сальман юаккид дарура мудаафа аль-джухуд ад-дуввалийя ли иджтисас афа аль-ирхаб (Король Сальман подтверждает необходимость удвоения международных усилий ради уничтожения гадины терроризма). – Ар-Рияд, 17 ноября 2015. – <http://www.alriyadh.com/1101148>.

¹⁵⁶ Президент России. Встреча с королем Саудовской Аравии Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом. 16 ноября 2015. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50701>.

¹⁵⁷ Президент Российской Федерации. Ответы на вопросы журналистов по итогам саммита «Группы двадцати». 16 ноября 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50704>.

¹⁵⁸ Хадим Аль-Харамейн амам када «аль-ишрин»: аль-ирхаб афа хатыра ва даъ алямый ля дин ляху ва ля джинсийя (Служитель Двух Святынь на саммите «Группы двадцати»: терроризм – опасная гадина и мировой зло, не имеющее ни религии, ни гражданства). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 17 ноября 2015. – <http://aawsat.com/node/4987761>.

¹⁵⁹ *Ар-Рашид А.Р.* Ат-Тахрид аля ас-садам маа Русия (Подстрекательство к столкновению с Россией). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 октября 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/468566>.

¹⁶⁰ Российско-арабский деловой совет. Российско-саудовская инвестиционная выставка-форум. 14 ноября 2015. –

http://www.russarabbc.ru/about/news_detail.php?ID=37156&print=Y.

¹⁶¹ Министерство энергетики Российской Федерации. Александр Новак принял участие в торжественной церемонии открытия Российско-саудовской выставки-форума. 27 ноября 2015. –

http://minenergo.gov.ru/press/min_news/3902.html?print+Y.

¹⁶² Ар-Рияд ва Москву: кафазат иктисадийя хамма (Эр-Рияд и Москва: заметное экономическое сближение). – Аль-Иктисадийя, 24 ноября 2015. – http://www.aleqt.com/2015/11/24/article_1008984.

¹⁶³ Список соглашений см.: Министерство энергетики Российской Федерации. Александр Новак принял участие в торжественной церемонии открытия Российско-саудовской выставки-форума.

¹⁶⁴ Мунтада аль-аамаль ас-саудий ар-русий ясмар ан таукиф итти-факат фи ан-нафт ва ат-тиджара ва ат-тадриб (Саудовско-российская выставка-форум завершилась подписанием соглашений по нефти, торговле и подготовке кадров). – Аль-Хайят, 28 ноября 2015. – <http://www.alhayat.com/Articles/12404508>.

¹⁶⁵ Новак: саудовцы дестабилизировали нефтяной рынок. – Вести Экономика, 28 декабря 2015. –

<http://www.vestifinance.ru/articles/65933>.

¹⁶⁶ См. об этом: Ас-Саудийя туқырр мувазана 2016 би аджз 326 миллиард рияль (Саудовская Аравия утверждает с дефицитом, со-

ставляющим 326 млрд. риалов). – Аль-Хайят, 29 декабря 2016. – <http://www.alhayat.com/Articles/13086193>.

См. также: *Косач Г.Г.* Саудовский бюджет 2016 г. – Институт Ближнего Востока, 30 декабря 2015. – <http://www.iimes.ru/?p=27049>.

¹⁶⁷ Асър аль-бензин (Цены на бензин). – Аль-Хайят, 29 декабря 2015. –

<http://www.alhayat.com/Articles/13086277>.

¹⁶⁸ Саудиты пошли ко дну. – Рамблер – Новости, 29 декабря 2015. – <http://news.rambler.ru/articles/32370348>.

¹⁶⁹ Слова директора Фонда национальной энергетической безопасности Константина Симонова. – *Безчастная М.* У Саудовской Аравии денег осталось на 5 лет. – Свободная пресса, 29 декабря 2015. –

<http://svpressa.ru/economy/article/139296>.

¹⁷⁰ Слова Генерального директора Института национальной энергетики Сергея Правосудова. – Там же.

¹⁷¹ См.: Министерство иностранных дел Российской Федерации. Заявление Международной группы поддержки Сирии, Вена, 14 ноября 2015 г. –

http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1941109.

¹⁷² Аль-Джубейр: аля Аль-Асад мугадара Сурия ва Иран джуз мин аль-мушкиля (Аль-Джубейр: Асад должен покинуть Сирию, а Иран – часть проблемы). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 октября 2015. – <http://www.alarabiya.net/ar/2015/10/22>.

¹⁷³ Аль-Джубейр: ад-дувваль аль-арба сагаджтамиъ фи Вена бахсан ан халль сиясий фи Сурия (Аль-Джубейр: четыре страны соберутся в Вене, чтобы искать политическое решение для Сирии). – Аль-Хайят, 28 октября 2015. – <http://www.alhayat.com?articles/11784910>.

¹⁷⁴ Аль-Муатамар ас-сухуфий аль-муштарак ли Маали вазир аль-хариджий ва вазир хариджийя Ан-Нимса (Совместная пресс-конференция Его Превосходительства министра иностранных дел и министра иностранных дел Австрии). 26 ноября 2015. –

<http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/ArticleID2015112819581154.aspx>.

¹⁷⁵ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри и специальным посланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. Де Мистурой по итогам многосторонних переговоров по сирийскому урегулированию. Вена, 14 ноября 2015. –

http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1939621.

¹⁷⁶ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри и Специальным посланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. ди Мистурой по итогам многосторонних переговоров по сирийскому урегулированию. Вена, 14 ноября 2015 г. –

http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1939621.

¹⁷⁷ Президент Российской Федерации. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 17 декабря 2015. –

<http://kremlin.ru/events/president/news/50971>.

¹⁷⁸ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Заявление Международной группы поддержки Сирии, Вена, 14 ноября 2015 г.

¹⁷⁹ Президент Российской Федерации. Расширенное заседание коллегии министерства обороны. 11 декабря 2015. –

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/50913>.

¹⁸⁰ Аль-Джейш аль-хурр янфи таялки даам русий (Свободная армия опровергает получение российской поддержки). – Аль-Джазира. 15 декабря 2015. –

<http://www.aljazeera.net/home/f6451603-4dff-4ca1-9c10-122741d17432/625aec/htm>.

¹⁸¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с министром иностранных дел Саудовской Аравии А. Аль-Джубейром. 7 декабря 2015. –

http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1966416.

¹⁸² Ас-Саудийя туаккид хирсаха аля халль аль-узма ас-сурийя си-ясийан (Саудовская Аравия подтверждает свое стремление решить сирийский кризис политически). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 8 декабря 2015. – <http://aawsat.com/node/514501>.

¹⁸³ *Ар-Рашид А.Р.* Муатамар Ар-Рияд ва аль-бахс ан бадиль ли Аль-Асад (Эр-риядское совещание и поиск альтернативы Асаду). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 8 декабря 2015. – <http://aawsat.com/node/514441>.

¹⁸⁴ Аль-Джубейр: Аль-Асад лядейхи хиярейн – имма ар-рахиль ау сятрук абра аль-киталь (Аль-Джубейр: у Асада есть выбор – либо он уйдет, либо покинет пост в результате битвы). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 декабря 2015. – <http://aawsat.com/node/517101>.

¹⁸⁵ Муатамар Ар-Рияд ятабанна рахиль Аль-Асад фи бидайя аль-мархала аль-интикалийя (Встреча в Эр-Рияде требует ухода Асада в начале переходного периода). – Аль-Хайят, 11 декабря 2015. – <http://www.alhayat.com/Articles/12699400>.

¹⁸⁶ Аль-Малик Сальман ястакбаль аада аль-муарада ас-сурийя аль-лязин ихтатаму иджтимаатихим фи Ар-Рияд (Король Сальман принимает членов сирийской оппозиции, завершивших переговоры в Эр-Рияде). – Аль-Хайят, 10 декабря 2015. – <http://www.alhayat.com/Articles/12700578>.

¹⁸⁷ Слова Виталия Наумкина цит. по: *Медведев Е.* Встреча в Эр-Рияде грозит срывом Венского процесса. – Независимая газета, 9 декабря 2015. – http://www.ng.ru/world/2015-12-09/8_aravia.html.

¹⁸⁸ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Комментарий МИД России по итогам встречи сирийской оппозиции в Эр-Рияде. 12 декабря 2015. – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1978280.

¹⁸⁹ Президент Российской Федерации. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 17 декабря 2015.

¹⁹⁰ «Женев-3» ятараннах баад игтияль Русия заим «Джейш аль-ислям» («Женева-3» колеблется после убийства Россией лидера «Джейш аль-ислям»). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 декабря 2015. – <http://aawsat.com/home/article/528306>.

См. также: *Ад-Дахиль Х.* Лимаза истахдафат Русия муатамар Ар-Рияд (Почему Россия нанесла удар по встрече в Эр-Рияде)? – Аль-Хайят, 27 декабря 2015. –

<http://www.alhayat.com/Opinion/Khaled-El-Dakheel>.

¹⁹¹ По словам Т. Аль-Хамида, российская авиация «лишила жизни Аллюша, который согласился участвовать и участвовал во встрече сирийской оппозиции в Эр-Рияде, подчинившись требованию международного сообщества о проведении переговоров с режимом». Т. Аль-Хамид утверждал, комментируя «незначительность военной акции» России: «Это не стало российским достижением, а лишь информационным поводом, обсуждавшимся только 24 часа. А жизнь продолжается, как продолжается сирийский кризис и тупик, в котором пребывает Россия». – *Аль-Хамид Т.* Ар-Рус ва игтияль Аллюш (Русские и убийство Аллюша). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 декабря 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/529146>.

¹⁹² Аль-Джубейр: Маджлис истратеджий саудий туркий ва истихдаф Аллюш ли салих «тагия Димашк» (Аль-Джубейр: Саудовско-турецкий стратегический совет, что же до гибели Аллюша, то она на пользу «дамасскому тирану»). – Аль-Хайят, 30 декабря 2015. –

<http://www.alhayat.com/Articles/13107858>.

¹⁹³ Тахалуф ислямий мин 34 дауля ли мухараба аль-ирхаб киядату-ху фи Ар-Рияд (Исламская антитеррористическая коалиция в составе 34 государств под руководством Эр-Рияда). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 декабря 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/519761>.

¹⁹⁴ *Ар-Рашид А.Р.* Аль-Хильф ва аль-имсак би замам аль-мубадара (Коалиция и взятие инициативы). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 декабря 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/520781>.

¹⁹⁵ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: создание «исламской военной коалиции». – Институт Ближнего Востока. 16 декабря 2015. – <http://www.iimes.ru/?p=26902>.

¹⁹⁶ Ас-Саудийя: «ат-тахалуф аль-ислямий» ли мухараба аль-ирхаб яати ли ресс ас-суфуф ва аль-када аля асбабихи (Саудовская Ара-

вия: «исламская антитеррористическая коалиция» призвана сплотить ряды ее участников и покончить с причинами террора). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 декабря 2015. – <http://aawsat.com/home/article>.

¹⁹⁷ Как заявил 20 декабря 2015 г. посол Казахстана в Эр-Рияде Бахыт Батыршаев, «Казахстан и Саудовская Аравия согласуют свою политику в сфере борьбы с терроризмом. ... Казахстан высоко ценит усилия саудовского руководства в борьбе с терроризмом. Роль Саудовской Аравии в этом очень важна и значительна. Ее инициатива, направленная на создание исламской военной коалиции, определяется этими обстоятельствами. Мы изучаем эту инициативу, находясь в постоянном контакте и консультируясь в связи с борьбой с терроризмом по каналам Организации исламского сотрудничества». – Ас-Сафир Батыршаев: Казахстан тадрус фикра ат-тахалуф аль-ислямий ли мукафаха аль-ирхаб (Посол Батыршаев: Казахстан изучает идею исламской антитеррористической военной коалиции). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 декабря 2015. – <http://aawsat.com/home/article/525266>.

¹⁹⁸ *Панфилова В.* Таджикистан может примкнуть к исламскому военному блоку. – Независимая газета, 23 декабря 2015. – http://www.ng.ru/cis/2015-12-23/7_tajikistan.html.

¹⁹⁹ Аль-Джубейр: Маджлис истратеджий саудий туркий ва истихдаф Аллюш ли салих «тагия Димашк».

²⁰⁰ Слова Е. Сатановского. – Турция и Саудовская Аравия укрепляют антироссийский альянс. – Взгляд, 29 декабря 2015. – <http://www.vz.ru/world/2015/12/29/786421.print.html>.

²⁰¹ Слова Аджара Куртова. – Там же.

²⁰² Президент Российской Федерации. Владимир Путин присутствовал на торжественном вечере, посвященном Дню работника органов безопасности. 19 декабря 2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50977>.

²⁰³ Совет Безопасности ООН. Резолюция 2258 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7595-м заседании 22 декабря 2015 года. – <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/447/64/PDF/N1544764.pdf?OpenElement>.

²⁰⁴ *Ад-Дахиль Х.* Аухам Моску ан мустакбаль Аль-Асад (Иллюзии Москвы по поводу будущего Асада). – Аль-Хайят, 20 декабря 2015. –

<http://www.alhayat.com/Opinion/Khaled-El-Dakheel/12895320>.

²⁰⁵ Моску ва Тахран тастагиллян аль-харб ас-сурийя ли таусий нуфузахума фи аль-минтака (Москва и Тегеран эксплуатируют войну в Сирии для расширения своего влияния в регионе). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 декабря 2015. –

<http://aawsat.com/home/article/525306>.

²⁰⁶ Аль-Инсан ас-саудий хувва хадаф ат-танмийя аль-авваль (Саудовский гражданин – первейшая цель развития). – Аль-Джазира, 24 декабря 2015. –

<http://www.al-jazirah.com/2015/20151224/av1.htm>.

²⁰⁷ *Каввас М.* Аш-Шарк Аль-Аусат аль-джадид: карар аль-кибар (Новый Ближний Восток: решение великих). – Аль-Хайят, 27 декабря 2015. –

<http://www.alhayat.com/Opinion/Mohammed-Kawas/13038268>.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** "«Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривосточное развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".
260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеев) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеев) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".
275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2014

257. "«The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**
258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by
E.Melkumian
259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**
260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by
M.Sapronova
261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**
262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by
E.Chulkovskaya
263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI
century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
264. "Closest allies? The real history of American-Israely relationship" T. 1-2 by
Alek D. Epstein. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and islamist armed
resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in
the Jewsh state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa
(Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Geor-
gia)" by **V.Mesamed**.
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012) by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab
countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – begin-
ning of XXI)" by **V.Akhmedov**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

Г.Г. Косач

**РОССИЙСКО-САУДОВСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
1990–2015 гг.**

Подписано в печать 28.01.2016 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 6,75 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 65

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12